

И * Л

**Издательство
иностранной
литературы**

BANTU FOLK TALES

CAPE TOWN

1946

СКАЗКИ народов БАНТУ

Перевод
с английского
О. ЩЕТКИНОЙ

Предисловие
В. АРТЕМОВА

Редактор
И. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Издательство
Иностранной
литературы

МОСКВА 1957

СКАЗКИ НАРОДОВ БАНТУ

Технический редактор *Т. С. Соколова*

Корректор *А. П. Губанова*

Сдано в производство 30/VII 1957 г.

Подписано к печати 5/II 1958 г.

Бумага 84 × 108/32 = 1,6 бум. л. 5,3 п. л. Уч.-изд. л. 4,3. Изд. № 12/3579.

Цена 2 р. 15 к. Зак. 644.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Набрано в 1-й типографии Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18.

Отпечатано в типографии „Красное знамя“ изд-ва „Молодая гвардия“,

Москва, А-55, Сущевская, 21. Зак. 357.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда читатель перевернет последнюю страницу этих сказок, творцами которых являются народы банту, населяющие Центральную и Южную Африку, у него, возможно, появится недоуменная мысль — не слишком ли все это напоминает быль? Может быть, он заметит, что элемент фантазии в сказках почти всегда отходит на второй план, не бросается в глаза и не воспринимается как выдумка.

Атмосфера сказок переносит читателя в незнакомый и непривычный для нас мир. Люди, которые живут в этом мире, — действующие лица и сами рассказчики и творцы сказок, — еще не умеют не только правильно объяснить, но и правильно понять его. Все, что не поддается объяснению, они связывают с существованием каких-то особых сил — не потусторонних, невидимых, а действующих тут же, рядом с людьми. Они одушевляют животных, скалы, воды, предметы домашнего обихода. Все живет, все действует, за всем нужно смотреть в оба.

Читатель встретится в этой книжке с океаном, рекой и скалами, которые ведут себя совершенно осмысленно, как человеческие существа, и отличаются, оказывается, весьма неважным характером. С ними нужно обходиться почтительно — как и у иных сил природы, у них обидчивый нрав, они легко меняют гнев на милость.

Но даже и независимое поведение предметов не всег-

да помогает «разобраться» в явлениях жизни. Здесь на помощь приходит мысль о существовании таинственных чар, заклятий, наговора, одним словом, колдовства. Попробуй объяснить, отчего умер человек, если его никто не убивал. Но стоит только поверить в черную магию — и все становится на свое место: какой-то недоброжелатель воспользовался колдовством и свел человека в могилу. (Именно так до сих пор объясняют смерть большинство народов банту.) Колдовство для них — не выходящее из ряда вон событие, а дело обычное, повседневное, доступное, удивляться которому не приходится и к которому нужно быть готовым.

Для того чтобы колдовать, не нужно иметь никаких особых данных. Достаточно поучиться у опытного колдуна-шамана, знающего толк в лечебных травах и колдовских зельях. Дело это нелегкое — в два счета чародем не станешь, — но, несомненно, возможное и осуществимое. Так, в первой сказке («Дитя волн») девочка Нтомби попадает к старой и опытной колдунье и перенимает от нее основы колдовской теории и практики, но старуха умирает и девочка остается недоучкой. А вот если бы она успела пройти полный курс, то наверняка смогла бы стать незаурядным магом, обслуживающим потребности всего племени.

Чтобы употреблять черную магию для личных нужд (колдовство, так сказать, на каждый день), очевидно, длительного обучения не требуется. Даже лев из сказки «Приключения Ониховы» ничуть не смущается, столкнувшись с заколдованной скалой, и спокойно ее расколдовывает. Не говоря уже о том, что жена лентяя и эгоиста Кенкебе (из сказки «Голодная пора») колдует почти мимоходом, чтобы наказать мужа за жадность, а мать несчастной Тангалимлибо, которую утащила река, как только узнает о беде, тотчас приходит на помощь со своими травами и заставляет непреклонную реку вернуть ей дочь.

Банту
гическим»
ного и сво
дышком и
Сказки
творчество
Африки,
нах, распо
нии, Уган
ленда, в
Африканс
220 племе
камба — в
Конго; м
зии и Нь
Африканс
Племя
вие перес
эти родст
огромной
метров. О
верховьев
сторным
в предгор
населяют
Племя
хождения
признакам
самых выс
торых до
народов б
ды. В зави
они живут
существова
ется на р
особенност

Банту в жизни на каждом шагу сталкиваются с «магическим». Отсюда в их творчестве такое смешение реального и сверхъестественного, спокойно уживающихся рядышком и даже дополняющих друг друга.

Сказки, собранные в этом сборнике, представляют нам творчество лишь очень незначительной части народов Африки, а именно племен банту, которые живут в странах, расположенных к югу от 5° северной широты (в Кении, Уганде, Танганьике, Федерации Родезии и Ньясаленда, в значительной части Бельгийского Конго и Южно-Африканского Союза). Банту делятся более чем на 220 племен, носящих самые разные названия (кикуйу, камба — в Кении; балунда, боконго, балуба, бопото — в Конго; машона, ватузи, матабеле — в Федерации Родезии и Ньясаленда; зулусы, амакоза, гереро — в Южно-Африканском Союзе).

Племена банту не живут компактной массой. Вследствие переселений, завоеваний и прочих перипетий истории эти родственные племена оказались раскиданными по огромной территории в 10 миллионов квадратных километров. Одни из них живут в душных тропических лесах верховьев Конго и его притоков, другие кочуют по просторным саваннам Танганьики, третьи издавна селятся в предгорьях и по склонам Драконовых гор, четвертые населяют засушливые вельды юго-запада Африки.

Племена банту не имеют общего этнического происхождения и отличаются друг от друга даже по физическим признакам. Кстати говоря, к банту относится и племя самых высоких в мире людей — ватузи, средний рост которых достигает двух с лишним метров. У каждого из народов банту свои собственные верования, обычаи, обряды. В зависимости от природных условий тех мест, где они живут, у них разные способы добывания средств к существованию и разные трудовые навыки, что сказывается на различиях в умственном складе, психологии и особенностях культуры и быта.

Западные банту занимаются преимущественно мотыжным земледелием. Восточные и южные — скотоводством и обработкой земли, причем многие племена восточных и южных банту знакомы с более высокими формами земледелия — орошением, удобрением и даже с осушением почвы.

И вместе с тем все народы банту объединяются в одну многомиллионную семью. Их родство скреплено не столько узами крови, сколько общностью языков. Не греша против истины, можно сказать, что от Кении до Кейптауна коренное население говорит почти на одном и том же языке.

Языки группы банту хоть и огличаются друг от друга в деталях, но в основе имеют общий строй и общую грамматику. Языки эти настолько своеобразны и настолько не похожи на европейские, что о них стоит рассказать подробнее.

Слова в языках банту делятся на определенное число категорий (категория человека, категория сделанных вещей и т. д.). Все слова, относящиеся к данной категории, имеют особую приставку. Приставкой же определяется и число (единственное и множественное). При сочетании нескольких слов в фразе все слова получают приставку той категории, к какой принадлежат слова, к которым относится данное слово. Так, «вахехе» из племени «хехе» говорят на языке «кихехе» и живут в стране «Ухехе».

Происхождение самого названия «банту» имеет самое непосредственное отношение ко всем объединенным им языкам. Почти для всех языков банту слово «мужчина» — «абан-ту». Отсюда вся эта языковая семья — «банту».

Для языков банту в целом характерно богатство красок, оттенков, они очень гибки и быстро обогащаются. Интересной особенностью отличается, например, язык племени коса. В этом племени существует обычай, по которому невеста, переступив порог дома мужа (вернее,

дома
речи
Естес
какие
видим
Су
надле
сказок
сы и а
Тр
ходящ
любой
говеко
черты
истори
шлифо
гих ст
раска
Ска
дине и
нешнег
дел Ад
африка
ропейц
оказал
в сказк
пришло
скую ко
сведени
кукуруз
после т
Сказ
бытно-о
живут в
ной на
маленьке

дома отца мужа), не должна больше употреблять в своей речи слов, начинающихся с первого слога имени свекра. Естественно, что она волей-неволей начинает изобретать какие-то новые слова. Часть этих слов, наиболее удачных, видимо, со временем входит в повседневную речь.

Судя по некоторым признакам, данные сказки принадлежат банту Южной Африки, причем творцами шести сказок сборника являются жители ее юго-востока: зулусы и амакоза.

Трудно сказать, к какому времени относятся происходящие в сказках события. Известно, что сказка, как любой вид устного народного творчества, проходит многовековой путь и вбирает в себя наиболее существенные черты быта, психологии и мировоззрения народа, а также исторической обстановки и окружающей природы. Отшлифованная годами сказка становится отражением многих сторон жизни создавшего ее народа и может многое рассказать о нем.

Сказки этого сборника были записаны частью в середине или в конце прошлого века, частью в начале нынешнего, когда европейцы только-только завершили раздел Африки и начали переходить к активному «освоению» африканских колоний. Читатель может заметить, что европейцев в сказках нет и ничто не говорит о том, что они оказали какое-то влияние на жизнь племен. Вместе с тем, в сказках упоминаются кукуруза и табак. И то и другое пришло к банту Юго-Восточной Африки через португальскую колонию Мозамбик лет 300 тому назад. Однако эти сведения ничего не показывают, поскольку упоминания о кукурузе и табаке могли быть привнесены в текст уже после того, как сказки прожили большую жизнь.

Сказки вводят нас в общество, где господствует первобытно-общинный строй. Герои сказки «Девушки-птицы» живут в большой патриархальной семье, еще не расчлененной на маленькие семьи. Герои других сказок уже живут маленькой индивидуальной семьей и собственным хозяй-

ством. Вожди племен сильно смахивают на царьков и даже «трон» свой передают по наследству. Сыновья их уже ссорятся за право занять этот «трон».

Нетрудно заметить и то, как далеко зашло у банту общественное разделение труда. Обязанности в семье и в обществе распределяются у банту главным образом в соответствии с полом и возрастом. Мужчины — воины, охотники, скотоводы. Отсюда, например, на мужчину падает обязанность доить коров и коз. И жадный Кенкебе в сказке «Голодная пора» лишь выполняет свой долг, когда доит антилопу.

Женщины возделывают землю и следят за домашним хозяйством. Поэтому они занимаются, например, заготовкой топлива. Одна из основных обязанностей мужчины — забота о безопасности женщин и детей. Оставлять беззащитными женщин и детей неосмотрительно, им отовсюду грозит опасность. Их могут обидеть или похитить враги, на них могут напасть хищные звери. Вот почему так энергично упрекала красавица Комбеканзини своего жениха за то, что тот бросил ее одну с подружками в незнакомой местности («Девушки-птицы»). Да и сам сюжет сказки построен на мысли, что оставлять женщину без охраны — непростительное легкомыслие, за которое придется платить дорогой ценой.

С этим связана еще одна любопытная черта быта банту. Нередко в африканских семьях можно видеть, как женщина несет на голове тяжелую ношу, а рядом с ней налегке идет ее муж и не несет ничего, кроме своего копья-ассегая. По традиции он должен быть начеку, охраняя жену от нападения. Сейчас этот обычай потерял в большинстве мест свой первоначальный смысл и все чаще нарушается. Тем не менее у народов банту женщина пока что является основным носильщиком тяжестей. Традиции очень устойчивы — много должно утечь воды, многому нужно измениться, чтобы они сошли на нет.

В настоящее время большинство племен банту, как и

другие
гнаны
вые, но
пользу
рабочей
ры вын
промыш
предпр
европей
всяческ
задерж
тинента
При
ках, па
ками. К
нились
таким
недалек
нашим
родов
узнал о
Мно
родным
творцы
ственно
сказок.
оне Дра
и югу, п
обращен
Вот о
тые лесн
бурлят
гор). Пр
дождей
потом ух
дается по

да-
уже
нту
и в
в
ны,
па-
кебе
олг,
ним
тов-
жчи-
лять
ото-
тить
чему
воего
не-
жет
без
ихо-
бан-
как
ней
пья-
аня
боль-
е на-
пока
иции
тому
как и

другие негритянские племена колониальной Африки, согнаны в резервации на самые неплодородные, засушливые, неудобные для обработки земли. Колонизаторы используют эти резервации как источник почти даровой рабочей силы. Лишенные средств к существованию, негры вынуждены искать заработка на шахтах, рудниках, в промышленных городах. Даже работая на промышленных предприятиях, негры живут отдельно, изолированно от европейского и прочего населения. Их обособленность всячески поощряется колонизаторами, которые стараются задержать развитие коренного населения «Черного континента».

Приблизительно в том виде, как оно описано в сказках, племенное общество народов банту существовало веками. И к середине двадцатого века у народов банту сохранились многие черты племенного быта. Действие сказок, таким образом, можно отнести и к древности, и к самому недалекому прошлому, и даже — в известной степени — к нашим дням. Поэтому, познакомившись со «Сказками народов банту», читатель сможет сказать, что он кое-что узнал о жизни создавших их южных банту.

Многие мотивы сказок навеяны своеобразными природными условиями тех частей Африки, где живут их творцы. Природа Южной Африки рисуется то непосредственно, то иносказательно отражается в темах и образах сказок. В большинстве сказок действие происходит в районе Драконовых гор и их отрогов, расходящихся к северу и югу, причем преимущественно на их восточных склонах, обращенных к Индийскому океану.

Вот откуда в сказках морское побережье, прибой, крутые лесистые горы, изрезанные глубокими ущельями, где бурлят быстрые потоки (восточные склоны Драконовых гор). Прилив сменяется отливом, реки в период обильных дождей разливаются, затопляют прибрежные деревни и потом уходят восвояси, захватывая с собой все, что попадает по пути, — людей, скот, хижины. Вода ведет себя,

Как живая. Не случайно в ряде сказок мы встречаем образы реки и волн, которые наказывают людей за прегрешения и уносят в свои глубины — в одном случае девочку Нтомби, мать которой обидела Волны, а в другом — женщину, которая нарушила запрет появляться на солнечном свету. Так же мстительна и скала, обидевшаяся на незадачливую девчонку Ока-ха-ва-ндие и запершая ее в пещере, — горы таят не меньше опасностей, чем водная стихия. Поэтому мораль сказок сводится в известной мере и в определенных случаях к тому, что, как уже говорилось выше, со стихиями нужно быть почтительными и осторожными.

К западу Драконовы горы гигантскими уступами переходят в равнину. Образуется невиданная по величине лестница, которая отходит от океана на сотни километров. Эти плоскогорья не похожи на восточные склоны. Здесь простирается вельд — своего рода степь с более резким, засушливым климатом. Засухи — страшный бич тех мест. Поэтому исключительно важной фигурой в племени считается заклинатель дождя. Такой пост занимает, например, старая Салукази в племени людоедов. Соплеменники относятся к ней с осторожностью не только из-за того, что она способна наложить на них заклятье. Они знают, что потерять ее — значит лишиться необходимого в племени человека. Посягать на ее жизнь они не осмеливаются, но жадность толкает их на выступление против нее. Они хотят отнять у нее помощницу. Тогда она показывает им свою власть и вызывает бурю, демонстрируя, как они беспомощны и как всемогуща она. Но многовековой опыт борьбы с природой заставляет сочинителей сказок делать оговорку. Колдунья Салукази без труда насылает на своих соплеменников бурю, но довольно резонно отказывается повторить тот же фокус на следующий день. Мудрая старуха понимает, что это невозможно, поскольку в природе двух бурь подряд не бывает.

В одной из сказок читатель встретится с очень любо-

пытным
видно, о
ющему
ключено
насеком
никнове
В те
ется в
и воды,
саранча
оглянут
ничего
летит по
морские
преград
зуют ка
рывно
ранча н
на сушу.
шилища
стокость
Самое
в послед
бялюбце
ту нариц
семье и
Эта м
причем о
без добр
беде ему
совершен
которых
рассчитыв
не растер
и карлик
за его муз

пытным персонажем — чудовищем Изиккумадеву. Очевидно, образ этот уходит корнями к нечастому, но устрашающему по своим размерам стихийному бедствию. Не исключено, что само имя Изиккумадеву (что значит мать насекомых) подсказывает нам, где искать истоки его возникновения.

В тех местах, где живут племена банту, часто появляется в несметных количествах саранча и покрывает землю и воды, пожирая посевы, траву листья деревьев. Иногда саранча набрасывается даже на хижины, и не успеют люди оглянуться, как от тростниковых крыш и стен их жилищ ничего не останется. Саранча передвигается по земле или летит по воздуху и способна преодолевать даже обширные морские пространства. Часто тучи саранчи, подойдя к водной преграде, начинают громоздиться друг на друга и образуют как бы плавучий остров. Ветер подгоняет эту непрерывно шевелящуюся глыбу, она прибивается к берегу, саранча начинает медленно, сплошной массой выбираться на сушу. Так, возможно, и возник сказочный образ страшилища Изиккумадеву, проявляющего невиданную жестокость и невероятную прожорливость.

Самой жизнью подсказана картина страшного голода в последней сказке сборника. В ней рассказывается о себялюбце Кенкебе, который стал в устном творчестве банту нарицательным типом. В трудное время надо помогать семье и своим соплеменникам — вот мораль сказки.

Эта мысль проходит и через другие сказки сборника, причем она переплетается еще с одним мотивом: мир не без добрых людей. Человек может рассчитывать, что в беде ему помогут. В сказке «Семь птиц и семеро юношей» совершенно незнакомые люди дважды помогли юношам, которых преследовали людоеды. Однако не всякий может рассчитывать на помощь. Лишь тот достоин ее, кто сам не растерялся и сделал все, что было в его силах. Старуха и карлик вознаграждают храброго и энергичного Кулуме за его мужество и находчивость.

Апологеты колониализма много раз пытались представить коренное население Африки чудовищами, недостойными человеческого звания. Они и название им придумали — «дикари». Это понятие означает — человек, не подчиняющийся законам нравственности, гуманности. А сколько настоящей гуманности разлито в чудесных сказках банту!

В сказке «Женщина, которая боялась солнечного света» проходит глубоко человеческая мысль — как важно уважать Человека, как важно уметь быть снисходительным к слабостям других людей и уметь прощать чужие недостатки. Не заговори в свекре несчастной Тангалимлибо мелочное самолюбие, ничего ужасного не произошло бы. Он должен был прислушаться к просьбе невестки и не настаивать на своем ради поддержания собственного авторитета.

Таким образом, сказки народов банту носят в известной степени назидательный характер, характер притчей, поучительных историй. Они учат не платить злом за добро, уважать человека, помогать ему в трудную минуту.

Замечательна лиричность сказок, проглядывающая не только в описаниях природы. Проследите за душевными переживаниями героев, за их стремлением к счастью и любви. Сколько тепла и нежности скрыто, например, за скупыми, суровыми словами, которыми обмениваются Нтомбинде и ее возлюбленный (сказка «Девушка, искавшая опасность»).

Читая сказки банту, нельзя не заметить, как много нового, неизвестного встает перед нами. В силу разных исторических причин народы Африки на очень долгое время оказались отрезанными от всего культурного богатства, которое накоплено человечеством. Их своеобразная культура до сих пор еще не влилась в могучий поток общечеловеческой культуры, этому всячески препятствуют колонизаторы. Но Африка набирает силы, все убыстрится распад колониальных империй. Египет, Судан, Ливия, Марокко, Тунис, а за ними и Гана — это только первые шаги. Гроздь

гнева зреют и в других частях Африки. Наступит день, народы Африки расправят свои могучие плечи. И тогда мировая культура получит широкий доступ к тому источнику, из которого до нас доходят пока что случайные капли.

В. Артемов.

ДИТЯ ВОЛН

К б
кажду
помога
весело
или со
Вс
ворил
рый
отвер
берега
Нако
регу м
И
доть
почем
дома
броди
К
малю
реном
матер
далек
мален
няньк
На
сильн
вочку
росла
пропа
ровь у
ки. О
стару

* С
патриар
2-644

Когда-то жила у самого моря девушка, по имени Бакабака, и она очень любила море. С малых лет Бакабака каждую свободную минуту, когда ей не надо было помогать матери по хозяйству, проводила на берегу. Она весело играла в песке, плескалась в лагунах, ловила крабов или собирала ракушки, прыгая в волнах.

Все смеялись над ее любовью к морю, но она всегда говорила, что ни за что не выйдет замуж за человека, который живет далеко от моря. Много красивых юношей отвергла Бакабака только потому, что жили они вдали от берега, в тех краях, откуда не видно и не слышно океана. Наконец она вышла замуж за юношу, который жил на берегу моря, хотя и далеко от крааля* ее отца.

И после замужества Бакабака по-прежнему любила ходить к морю. Свекровь косилась на нее — она не понимала, почему это женщина, вместо того чтобы спокойно сидеть дома и плести циновки или нанизывать бусы, одиноко бродит по прибрежным пескам.

Когда у Бакабаки родилась дочь, молодая мать брала малютку на берег моря, чтобы она тоже привыкала к ветреному побережью. Почти все время ребенок оставался с матерью. В их местности краалей было мало, стояли они далеко друг от друга, и по соседству не нашлось ни одной маленькой девочки, которую можно было бы взять в няньки.

На первых порах ребенок не мешал Бакабаке. Она была сильная и ловкая и легко работала в поле, привязав девочку за спину. Но на следующее лето, когда девочка подросла и стала толстая и озорная, Бакабака уже с трудом пропалывала поле. Бакабака не знала, как ей быть. Свекровь у нее была еще крепкая и работала не меньше Бакабаки. Она ни за что не согласилась бы сидеть дома, как старуха, и нянчить детей. У нее был свой участок, и она им

* Огороженная забором усадьба отдельной, обычно большой патриархальной семьи. — Здесь и далее примечания переводчика.

очень гордилась. Пусть Бакабака сама возится с маленькой Нтомби и сама обрабатывает землю.

Что было делать Бакабаке? Работать с ребенком на спине она не могла, а стоило ей отпустить Нтомби побегать, с девочкой обязательно что-нибудь случалось.

Однажды утром Бакабака шла вдоль берега океана на свое поле и все думала, как ей быть. Она смотрела на море, которое так любила. «Вот если бы море помогло мне», — подумала она. Не покачают ли волны ее ребенка, пока она будет работать? Бакабака решила попробовать. Она положила девочку у самой воды, отступила немного назад и запела такую песню:

О ветер и волны! Ветер и волны!
Храните мое блюдо, мою миску с едой;
Храните деревянную миску с амаси*.
Нтомби храните мою!

Ласково заплескались волны вокруг девочки, мягко подняли ее и нежно увлекли за собой в прохладную даль; Нтомби весело махнула ручонкой матери, и Бакабака с легким сердцем отправилась работать.

* Простокваша — один из главных продуктов питания у банту.

Ко
все ка
рег, н
вода о
му пес

Мед
И во
вал и ве
от берега
ри. Ее м
Бакаб
вязала е
— Ес
провела д
2*

Кой
на
бе-
на
мо-
, —
юка
Она
зад

Когда день клонился к вечеру и в косых лучах солнца все казалось таким прекрасным, Бакабака вернулась на берег, на то место, где она оставила Нтомби. Был отлив, вода отхлынула далеко от берега. Бакабака пошла по сырому песку и, когда ее ноги коснулись воды, запела:

О ветер и волны! Ветер и волны!
Ты, вечно веющий ветер! Отдайте мое блюдо,
Мое блюдо с едой; отдайте мою деревянную миску,
Миску с амаси! Нтомби отдайте мою!

Медленно катились волны и мягко разбивались о берег. И вот видит Бакабака, поднимается в море большой вал и величаво катится прямо к ней. А когда вал отхлынул от берега, маленькая Нтомби оказалась у самых ног матери. Ее мокрая темная кожа блестела на солнце.

Бакабака радостно подхватила девочку на руки и привязала ее себе на спину.

— Если бы только ты могла рассказать мне, как ты провела день, — говорила Бакабака, а девочка что-то весе-

ло лепетала на своем непонятном языке. Бакабака поспешила домой, и сердце ее было полно радости: ее друг, океан, помог ей.

Теперь каждый день Бакабака спокойно отдавала своего ребенка волнам.

Время прополки кончилось, и женщины были рады отдохнуть перед началом жатвы. Свекровь пошла взглянуть на участок Бакабаки и очень удивилась, когда увидела, что он так хорошо прополот. Как-то возвращалась она с невесткой с поля берегом моря и сказала ей:

— Как это ты сумела так хорошо управиться с полем? Тебе ведь все время приходится возиться с таким беспокойным ребенком.

Бакабака ничего не сказала ей о морских волнах. Она боялась, что муж рассердится, если узнает, что она оставляет на их попечение ребенка.

Вот и сейчас девочка сидела на спине матери в кожаном мешке и все порывалась слезть и побежать к морю. Казалось, что и волнам тоже хотелось поиграть с ребенком — они вдруг всплеснулись вокруг Бакабаки и дотянулись до девочки.

Но молодая мать все молчала. Ни слова благодарности не сказала она своему другу — морю. Ей и в голову не пришло, какую беду навлекает она на себя этим молчанием.

Через несколько дней свекровь попросила Бакабаку нарезать травы для крыши хижины, а сама с сыном и другими мужчинами ушла в соседний крааль пить пиво*. Бакабака отправилась за травой и, когда дошла до берега, решила на время работы снова оставить Нтомби волнам. Она пропела свою песню, и в этот раз волны взметнулись выше, чем всегда, они с радостью схватили девочку, словно торопились унести ее.

* Пиво, приготовленное в основном из сорго и кукурузы, является у банту важным продуктом питания.

Была
большо
сок, по
звучали
не подн
гам ма
мелкие
обратно
Бака
запела.
зашла д
би!» Сэ
бо окра
моря.
Обез
том снов
ла, звал
берегу с
конец по
Слов
дальней
краалю.
только т
нее, когд
— М
себе Бака
Она
в каросс
ны. Пуст
Бакабака
дома, обн
Утром
дыню. Ба
гу океана.
* Своет

Было уже поздно, когда Бакабака вернулась к морю с большой связкой травы на голове. Она бросила ее на песок, подошла к воде и пропела свою песню. Но когда прозвучали последние слова: «Отдайте назад мою Нтомби», не поднялся в море большой вал и не принес девочку к ногам матери. Странная тишина стояла над морем. Только мелкие волны бесшумно взбегали на песок и скатывались обратно.

Бакабака побежала по берегу на другое место и снова запела. Море стало совсем гладкое, неподвижное. Бакабака зашла далеко в воду и стала громко звать: «Нтомби! Нтомби!» Сзади, за ее спиной, заходило солнце, и пылающее небо окрасило розовым светом неподвижную поверхность моря.

Обезумевшая от страха мать металась по берегу, потом снова бросалась в воду. Она едва не утонула и все звала, звала свою дочку. Но ответа не было. Ветер утих, и на берегу стало совсем тихо. Наступила ночь, и Бакабака наконец поняла, что море не вернет ей ребенка.

Словно человек, изнуренный непосильной работой или дальней дорогой, Бакабака, шатаясь, плелась к своему краалю. Ее муж и свекровь еще не вернулись, и Бакабака только теперь подумала о том, как они разгневаются на нее, когда узнают, что ребенок пропал.

— Море, наверно, просто шутит со мной, — говорила себе Бакабака, — и завтра я снова обниму свое дитя.

Она взяла большую продолговатую дыню, завернула ее в каросс * и положила на свою циновку у самой стены хижины. Пусть подумают, что Нтомби уже крепко спит. Сама Бакабака легла поздно ночью, когда никого еще не было дома, обняла дыню и забылась беспокойным сном.

Утром она проснулась и увидела, что прижимает к себе дыню. Бакабака выбежала из хижины и бросилась к берегу океана. Весь день-деньской, пока ей не изменил голос,

* Своего рода плащ; ночью заменяет одеяло.

она пела свою песню, но волны так и не отдали ей ребенка.
Нтомби пропала бесследно.

Бакабака вернулась домой ночью, несчастная и измученная, словно она долго и тяжело болела. Едва слышным голосом поведала она мужу и его матери о том, что сделали волны. Бакабака была в таком отчаянии, что у них не хватило духу бранить ее. Вместе с ней они оплакивали погибшее дитя.

А море вынесло Нтомби на берег далеко-далеко от дома матери. Нтомби полежала на теплом песке, потом поднялась и побрела по берегу.

Место было пустынное, и Нтомби заплакала. Она хотела вернуться в воду, но каждый раз волны снова выбрасывали ее на песок. Наконец девочка устала бороться с прибоем, села на берегу и заплакала навзрыд.

В это время вдали показалась высокая худая старуха на одной ноге. Она была из племени людоедов, которые жили поблизости, и пришла на берег набрать сучьев, выброшенных морем.

Старуха очень удивилась, увидев Нтомби, и запрыгала к ней. Она сразу поняла, что это ребенок из чужого племени.

ребенка,

ни: у девочки были две толстенные ножки, а у всех людоедов только одна нога. Старуха бросила на землю свою вязанку и приблизилась к девочке.

Нтомби несколько не испугалась, потому что ее всегда все любили. Она перестала плакать и протянула ручонки к одноногой старухе. И старая ведьма, которая сначала смотрела на малютку просто как на лакомый кусочек, вдруг взяла ее на руки. Нтомби показалось, что это ее бабушка, только она немножко не похожа на себя. Девочка что-то радостно залепетала и прильнула головкой к костлявому плечу старухи.

Салукази — так звали старуху — хотя и была людоедкой, но все же она была и женщиной, к тому же у нее были

собственные внучата. Она решила взять с собой странную малютку, посадила ее к себе за спину и крепко-накрепко привязала.

Но как спасти ребенка от людоедов?

К счастью, новая покровительница Нтомби была не простой людоедкой. Она была вызывательницей дождя. Как и обыкновенные люди с двумя ногами, людоеды занимались земледелием, а урожай зависел от погоды. Поэтому старой Салукази все угоддали и побаивались ее. Она ре-

шила ничего не скрывать, рассказать своим соплеменникам, что она случайно наткнулась на девочку и собирается оставить ее у себя.

Старуха взвалила вязанку себе на голову и отправилась домой, прыгая на одной ноге, — ведь иначе она ходить не могла! Хотя Нтомби привыкла сидеть на спине матери и качаться на волнах, ей очень не понравилась такая тряска. Она горько заплакала. Салукази рассердилась и уже подумывала, не отдать ли ей девочку людоедам, но, когда добралась до своей хижины и спустила Нтомби на пол, маленькое двуногое существо снова ей понравилось.

Салукази накормила Нтомби кислым молоком и уложила ее спать. Затем, не теряя времени, она приготовила крепкие колдовские снадобья, чтобы они помогли ей, когда вернутся ее соплеменники.

Людоеды пришли домой и сразу почувяли свежее мясо. Они радостно захохотали, надеясь на вкусный ужин.

— Ребенок не для вас, — сурово сказала старуха. — Я уже давно ищу девочку, чтобы она прислуживала мне и помогала варить мои снадобья. Если хотите, чтобы поля ваших жен давали хороший урожай, лучше не трогайте ее.

Людоеды рассвирепели, а один из них, оттолкнув Салукази, подскочил к ребенку. Тогда Салукази быстро дунула. И тут же поднялся ветер, заревел вокруг хижин и бросил одноногих на землю, грозя снести в море весь крааль. Людоеды стали просить старуху усмирить ураган, обещая не трогать ребенка, но буря бушевала до тех пор, пока Салукази не убедилась, что как следует проучила их.

— Это к лучшему, — утешали потом друг друга людоеды. — Пусть старая карга растит девочку, пока она не станет большой и жирной. Старуха скоро умрет или совсем одряхлеет, тогда мы и попируем. Сейчас-то ее девочка маленькая, и одному едва на закуску хватит.

Шли годы. Под присмотром Салукази девочка выросла. Она знала, что ее родной дом далеко, а сюда ее занесли волны. Иногда Нтомби заходила глубоко в воду и просила

море отнести ее обратно к ее родным. Но море не отзывалось на просьбы девушки, и она печально возвращалась на берег. Нтомби усердно помогала старухе и была благодарна ей за все ее заботы, но страшные нравы людоедов, к которым она не могла привыкнуть, омрачали ей жизнь.

Тем временем, втайне от всего племени, Салукази обучала девушку искусству вызывать дождь и другому колдовству. Нтомби была очень понятливой ученицей, и Салукази надеялась, что скоро девушка овладеет колдовской премудростью и сможет сама постоять за себя, когда ее уже некому будет защитить. Все это время Нтомби так хорошо служила Салукази, что старуха, хоть она и была людоедкой, полюбила девушку, и ей очень хотелось спасти Нтомби. Она даже старалась отыскать волшебное средство, которое помогло бы девушке найти дорогу домой и навсегда избавиться от злых людоедов.

— Я не могу спокойно умереть, пока не буду знать, что она в безопасности, — говорила себе старая колдунья.

Нтомби становилась все полнее и краше, а старая заклинательница дождя слабела с каждым днем и стала совсем дряхлой.

Все племя следило за ними:

— Теперь уж недолго ждать! — шептались людоеды.

После одного дождливого лета у Салукази так разболелись руки и единственная нога, что она уже больше не могла подняться со своей циновки. Людоеды переглядывались и говорили:

— Пришло время принести достойную жертву за нашу старуху.

Нтомби содрогалась от ужаса, когда ловила на себе их жадные взгляды.

Как-то утром Салукази спросила:

— Куда это все подевались сегодня?

— Женщины ушли в лес за дровами, — ответила Нтомби, — а мужчины точат большой нож.

— Ах! — вздохнула умирающая колдунья. — Подойди

поближе, дитя мое, чтобы никто не услышал, что я скажу тебе.

Вскоре они услышали прыжки возвращавшихся домой женщин, потом стук — людоедки сбрасывали на землю вя- занки хвороста. Нтомби выглянула из двери хижины и увидела, что людоеды разводят большой костер.

Затем людоеды разбили громадный старый горшок и самый большой черепок положили на горячие угли, а когда он раскалился докрасна, они крикнули Нтомби:

— Иди сюда, сними свою одежду и садись на черепок! Мы зажарим тебя на ужин!

Нтомби подошла, дрожа от страха.

— Дайте мне только руки согреть, — взмолилась она, — я так озябла, что даже не смогу изжариться!

Людоеды разрешили ей опуститься на колени у костра. И вдруг Нтомби дунула на огонь:

— Хлви, хлви, хлви... Вохло, вохло, вохло!

Слезы Нтомби упали в огонь, и в тот же миг поднялся страшный ураган. Он потушил и разметал костер, сорвал крыши со старых хижин и, крутя, понес их по песчаным дюнам. Людоеды в страхе бросились на землю, а Нтомби, рассмеявшись сквозь слезы, вбежала в хижину Салукази и заперла дверь.

руха. —
Я уми
Вск

унять

Салук

На

людое

велела

очень

Сверну

довски

При ви

—

дунья.

Тя

долго

скорее

—

зи. — С

и пуст

же я ка

И в

незамет

волшеб

силы, о

— Завтра они опять возьмутся за свое, — сказала старуха. — Придется тебе покинуть меня и бежать отсюда. Я умираю и уже не могу тебя защитить.

Вскоре пришел вождь людоедов и попросил Салукази унять бурю.

— Ну что? Пощады запросил? — с насмешкой сказала Салукази, но бурю, однако, усмирила.

На следующее утро Салукази и Нтомби услышали, как людоедки снова отправились за дровами, и тогда Салукази велела Нтомби пойти в дальнюю часть хижины. Девушка очень испугалась, когда увидела там громадную змею. Свернувшись кольцами, змея лежала на мешочках с колдовскими зельями — она придавала им большую силу! При виде Нтомби змея бесшумно уползла из хижины.

— Возьми вон тот маленький рог, — сказала колдунья. — Он поможет тебе в пути.

Тяжело было Нтомби расставаться с той, которая так долго заменяла ей мать, но старая колдунья умоляла ее скорее бежать из этих мест.

— Я не перенесу твоей гибели, — говорила Салукази. — Оставайся, если хочешь, чтобы я умерла от горя, и пусть они бросят тебя сегодня вечером в огонь. Не могу же я каждый день устраивать бури!

И вот сказаны последние слова прощанья, и Нтомби незаметно выскользнула из хижины. В руке она держала волшебный рог. Он указывал ей дорогу и удесятерял ее силы, он защищал ее от опасностей. Быстрые чайки кружи-

лись у нее над головой, но Нтомби неслась быстрее их; рог делал ее легче пены, которую ветер срывает с гребней волн.

После Нтомби у Бакабаки родились другие дети, но пропавшая дочь казалась ей прекрасней и лучше всех. Бакабака не переставала оплакивать Нтомби, и, хотя несчастная мать уже не любила море, как прежде, она часто ходила на берег и долго, печально смотрела на волны. Иногда в

зеленой воде океана ей мерещилась ее девочка, но Нтомби так и не возвращалась к ней.

Однажды под вечер, в месяц зажигания огня*, Бакабака опять бродила по берегу моря. Безлюдное побережье уходило в синеватую даль, на самый край света. Бакабака уже собиралась идти домой, когда заметила, что издалека, с севера, что-то быстро приближается к ней. И вот Бакабака разглядела, что это живое существо — то ли птица, то ли человек! Кто мог мчаться так быстро, едва касаясь ногами сырого песка? Когда же Бакабака поняла, что это молодая девушка в первом расцвете красоты, та уже склонилась перед ней колени.

— Кто ты и откуда? Что за непостижимое проворство таится в твоих ногах? — воскликнула Бакабака.

И девушка протянула ей маленький рог антилопы.

— Мне суждено было прийти к тебе, — сказала она. —

* Один из летних месяцев.

Этот рог показал мне дорогу, и вот, видишь, теперь он указывает вниз — значит, мой путь окончен.

— Кто ты? Кто? — вскричала Бакабака и подумала: — «Вдруг это Нтомби? Она ведь была бы сейчас такой же, как эта девушка!»

А вслух она спросила:

— Дитя мое, скажи мне, откуда ты пришла и почему ты в одиночестве странствуешь по берегу моря?

Нтомби рассказала ей все, и мать поняла, что снова обнимает свое родное дитя.

— Скорее, скорее пойдем домой, — сказала Бакабака, смеясь и плача, — а то ночь застигнет нас!

Большое веселье началось в доме Бакабаки, когда она привела пропавшую дочь. В честь возвращения Нтомби отец принес в жертву белого быка, и все племя собралось на веселый пир.

На радостях Бакабака и море простила, но никогда уже больше не доверяла ему не только своих детей, но даже и внуков.

Семь птиц и семеро юношей

Эт
к
Вож
очен
бою.
тяже
ди со
скал
сошл
Н
близ
—
поза
их т
зрел
—
—
ных
лось
даже
том
Е
его с
—
повт
—
вожд
ных
ны н
жу с
заре,
схват
О
лелва

*

Это случилось в старину, когда зулусы еще умели искусно колдовать.

Вождь Фелелва коротал свои дни в печали. Когда-то он очень гордился своими сыновьями, но все они погибли в бою. Остался у Фелелвы только один сын, да и тот страдал тяжелым недугом. С утра до ночи вождь сидел на Площади совета и печально глядел на далекие красные отроги скал, поднимавшихся над равниной. Это там когда-то сошлись в смертельном бою два племени: его и вражеское.

Но вот однажды пришел к вождю старый Мбата, самый близкий его индуна*, и рассказал удивительную историю.

— Сегодня утром, вождь, — сказал он, — и вчера, и позавчера, когда я выпускал из загона коров, — а у меня их так мало, и они такие тощие, — я видел необычайное зрелище.

— Что же это было? — милостиво спросил Фелелва.

— Вождь, на ограде моего загона сидело семь прекрасных птиц. Головы у них зеленые, с хохолками. Мне показалось, что птицы нисколько не боялись меня, они как будто даже следили за мной. Долго сидели они на ограде, а потом полетели вереницей к Козьей пропасти.

Вождь насторожился. Ведь битва, в которой погибли его сыновья, разыгралась у этой самой пропасти.

— Расскажи мне еще раз! — воскликнул он. И Мбата повторил все сначала.

— Ты хорошо сделал, что пришел ко мне, — сказал вождь. — В награду ты получишь семь моих самых жирных коров. Я уверен, что это волшебные птицы. Они посланы нам в утешение за гибель моих семи сыновей. Я прикажу семерым юношам изловить этих птиц. Пусть встанут на заре, еще до крика петухов, выследят волшебных птиц и схватят их.

Отобрали шесть самых сильных юношей, и с ними Фелелва послал последнего, оставшегося в живых сына; это

* Советник, приближенный вождя.

был умный и крепкий юноша, но, к несчастью, немой. За всю свою жизнь он не произнес ни слова.

— Вы должны изловить этих птиц, — сказал им Фелелва. — Без них не показывайтесь мне на глаза. Следуйте за птицами, куда бы они ни полетели, и бейтесь насмерть со всеми, кто станет на вашем пути. Вот вам крепкие щиты и острые ассегаи*.

Юноши проворно сплели маленькие клетки, взяли щиты и ассегаи и отправились в крааль старого Мбаты. Здесь, в хижине его молодых сыновей, они провели ночь. Рано утром, еще до восхода солнца, юноши поднялись, чтобы исполнить поручение вождя.

Когда Мбата вышел из своей хижины, он увидел, что чудесные птицы, как всегда, сидят на ограде загона, а юноши притаились неподалеку от них. Юноши незаметно подползли к птицам и хотели их схватить, но птицы поднялись ввысь и, вытянувшись в яркую, красно-зеленую линию, полетели к Козьей пропасти.

День за днем гнались за птицами юноши. Они спустились с холмов в дикую лесистую страну, прошли мимо незнакомых племен, о которых они даже никогда и не слышали, пробрались через леса, переплыли большую реку и вскарабкались на ее крутой берег. И вот юноши стали за-

* Копье, основное оружие банту Южной Африки.

мечат
их за
ки по
В
куст.
как
—
не сл
И
ясь и
тогда
вори
силь
и он
—
дя. —
птиц

Ю
а сам
На с
Ясна
измен
—
Кулум
риши
3-644

мечать, что птицы устали — вот-вот можно будет схватить их за яркие перья. Наконец к вечеру третьего дня охотники подкрались совсем близко к добыче.

Впереди всех полз сын вождя. Одна из птиц села на куст. Он рванулся вперед и схватил ее за длинный хвост как раз в тот миг, когда птица пыталась взлететь.

— Наконец-то! Попалась! — вскричал он, но никто его не слышал, потому что его товарищи тоже хватили птиц.

И только когда все птицы были пойманы и юноши, смеясь и с трудом переводя дыхание, собрались вместе, только тогда они сообразили, какое случилось чудо — немой заговорил! Как они все обрадовались! Каждый старался спросить о чем-нибудь сына вождя, чтобы услышать его голос, и они забросали его вопросами.

— Довольно болтать! — воскликнул наконец сын вождя. — Надо кончить порученное нам дело: отнесем отцу птиц, и пусть он поскорее услышит мой голос!

Юноши посадили птиц в клетки и накрепко заперли их, а сами улеглись на землю, чтобы хорошенько выспаться. На следующее утро они отправились в обратный путь. Ясная теплая погода, которая стояла последние дни, вдруг изменилась. Небо заволкло тучами, начался дождь.

— Надо нам подыскать ночлег, — сказал сын вождя Кулуме, или Говорящий, — так называли его теперь товарищи.

Они увидели на прогалине леса большую хижину и подошли к ней. В хижине никого не было, но в очаге теплился огонь. Юноши вошли в хижину, обогрелись, поели и улеглись спать.

Глубокой ночью один из товарищей Кулуме внезапно проснулся. Огонь погас, и в хижине было темно. Юноша услышал чей-то грубый голос:

— Как тут вкусно пахнет мясом! Дай-ка посчитаю — один, два, три, четыре, пять, шесть, семь! Я начну вот с этого, а закончу вон тем, у которого маленькие ноги.

Затем юноша услышал, как кто-то вышел за дверь. Наступила тишина. Юноша поспешно разбудил своих спутников.

— Мы попали в жилище людоедов, — прошептал он, — что делать?

Но товарищи решили, что ему просто приснился страшный сон. Один из них остался на страже, а остальные снова улеглись спать.

Скоро их страж услышал, как открылась дверь: людоед пересчитал спящих и, закончив счет на сыне вождя, у кото

рого был
бавил:

— Н

на пир м

Он в

их товар

повел чер

свету они

Но во

него утра

ки с пти

он забыл

Сначала

вместе, п

сын вожд

и подвер

— Чт

молвил о

— М

— Не

я втыкаю

дет непо

дрожит, я

что я пог

Кулум

Юнош

пились са

Солнце

задрожал

наклонил

прямился

— Вид

засмеялис

услышал.

Они ле

них разбу

роgo были маленькие ноги, сказал те же самые слова. И добавил:

— Но мне никак не съесть их одному. Пойду-ка позову на пир моих братьев.

Он вышел из хижины, а юноша немедленно разбудил своих товарищей. Кулуме вывел их из жилища людоеда и повел через лес. Он определил по звездам дорогу, и к рассвету они уже далеко ушли от страшной хижины.

Но вот когда меж деревьев забрезжил слабый свет раннего утра, Кулуме увидел в руках у своих спутников клетки с птицами. Не было клетки только у самого Кулуме — он забыл ее в хижине людоеда. Юноши были в отчаянии. Сначала они хотели вернуться за оставленной клеткой все вместе, потом каждый вызывался пойти вместо Кулуме, но сын вождя никого не пустил: он говорил, что это его вина и подвергаться опасности должен он один!

— Что скажет вождь, если мы потеряем его сына? — молвил один из юношей, а другой печально добавил:

— Мне чудится, что уже ветвь лежит на моей могиле.

— Не бойтесь! — воскликнул Кулуме. — Смотрите, вот я втыкаю в землю мой асsegай. Следите за ним! Если он будет неподвижен, значит со мной все хорошо. Если он задрожит, я в опасности. А если он упадет на землю, знайте, что я погиб.

Кулуме взял другое копье и быстро скрылся в лесу.

Юноши дали птицам зерна и напоили их, затем подкрепились сами и сели вокруг асsegая Кулуме.

Солнце поднялось уже высоко, и вот, видят они, асsegай задрожал, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее, он наклонился, уже почти коснулся земли... Но вот снова выпрямился и остался неподвижным.

— Видно, ускользнула от собак антилопа! — радостно засмеялись юноши, зажимая себе рты, чтобы их никто не услышал.

Они легли отдохнуть и немного поспать, но вот один из них разбудил остальных и указал на асsegай: тот снова за-

дрожал, снова наклонился вниз и снова выпрямился и застыл на месте.

И в третий раз увидели юноши, как дрогнул асsegай, но теперь он затрепетал, как тростинка в весеннем урагане. Вот он склонился совсем низко. Пораженные ужасом юноши столпились вокруг. Они протягивали руки, словно хотели его поддержать, но асsegай клонился все ниже и ниже, он уже коснулся земли. Слабый стон вырвался у товарищей Кулуме. Но что это? Асsegай вдруг выпрямился, и вот он снова стоит неподвижно.

— Ха-ла-ла! — вскричали юноши и в восторге пустились в пляс.

Что же случилось с Кулуме?

Позже, когда он вернулся к своим товарищам, он рассказал им о всех опасностях, которые встретил на пути. Кулуме возвращался к хижине людоеда через лес. Он шел гораздо быстрее, чем ночью. Вдруг, к своему удивлению, он наткнулся на маленькую старушку, которая сидела возле источника.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Прошлой ночью я спал в жилище людоедов и забыл там птицу, которую я поймал. Я должен вернуться за ней.

— Ты
ся за тоб
— Я
Стару
жал под
— Во
людоеды
камень, к
Кулу
зал к по
шил чере
Он о
ла хиж
хижиной
ного бра
Кулуме
и обнару
набросил
Кулу
клетку н
Птица т
очутилас
и побежа
Но л
вдогонку
клетку с
стал дру
Он извл
близлежа
каждый
— О
Но в
его. Оста
растерзал
луме. Усл
луме крик

— Ты, я вижу, храбрец. А что, если людоеды погонятся за тобой?

— Я убегу от них.

Старуха засмеялась и вытащила из узелка, который лежал подле нее, небольшой сосуд.

— Вот тебе волшебный жир, — сказала она, — если людоеды погонятся за тобой, брызни этим жиром на камень, и ты увидишь, что случится.

Кулуме горячо поблагодарил старушку, крепко привязал к поясу маленький сосуд, запахнул свой каросс и поспешил через лес.

Он осторожно подполз к краю поляны, на которой стояла хижина. Страшное зрелище открылось перед ним. За хижинной пировали людоеды — они поедали своего несчастного брата, который прошлой ночью звал их полакомиться Кулуме и его товарищами. Когда людоеды пришли к брату и обнаружили, что в хижине никого нет, они рассвирепели, набросились на самого хозяина и принялись его пожирать.

Кулуме проскользнул в хижину и нашел маленькую клетку на потолке, на том самом месте, где он ее повесил. Птица тихо чирикнула, как будто она была рада, что снова очутилась в его руках. Кулуме с опаской осмотрелся вокруг и побежал через прогалину назад, под покров леса.

Но людоеды его заметили. Они вскочили и бросились вдогонку за Кулуме, с шумом продираясь через лес. Держа клетку с птицей и асsegай в одной руке, Кулуме на бегу достал другой рукой привязанный к поясу волшебный сосуд. Он извлек из него чудодейственный жир и кинул его на близлежащий камень. Людоеды бросились к камню, и каждый старался им завладеть.

— Он мой! Он мой! — кричали они.

Но вот один из людоедов схватил камень и проглотил его. Остальные тут же набросились на этого людоеда и растерзали его. Потом они снова кинулись в погоню за Кулуме. Услышав за собой тяжелую поступь и громкие хриплые крики людоедов, Кулуме бросил весь оставшийся жир

на другой камень. Снова началось побоище, снова один из людоедов проглотил камень, и снова остальные людоеды убили его и тут же съели.

Кулуме бежал изо всех сил, но скоро услышал, что враги догоняют его. Волшебного жира уже не осталось. Что делать? Казалось, спасения не было, смерть настигала его. Тогда Кулуме развязал свой каросс и отбросил его от себя. Легкий каросс понесся в сторону, и Кулуме услышал, как вся ватага людоедов с яростными воплями кинулась вслед за кароссом.

Еще немного — и Кулуме выбежал из леса на маленькую полянку, где его товарищи с беспокойством следили за воткнутом в землю асsegаем.

— Бежим! Бежим! — крикнул Кулуме. — Они совсем близко! Дайте мне мой асsegай!

Как испугнутые антилопы, юноши промчались через лес, миновали опушку и еще долго бежали, поднимаясь на холмы, спускаясь в долины, переплывая реки. Но вот один из них оглянулся и в отчаянии закричал:

— Вон они!

Вдалеке показались людоеды.

— Что нам делать? — юноши задыхались, они совсем выбились из сил.

Когда их преследователи начали спускаться в долину, беглецы вскарабкались на другой ее склон. Они перевали-

ли через скалистый гребень и спустились в соседнюю долину. Ноги у них болели, юноши еле-еле тащились.

Вдруг видят они громадную скалу, а на ней сидит маленький человечек. Когда запыхавшиеся беглецы спустились друг за другом по крутому склону, он приветливо улыбнулся им:

— Стойте! — крикнул он. — Не хотите ли зайти в мое жилище?

Кулуме едва переводил дыхание:

— Где же оно? Где? За нами гонятся людоеды!

Карлик громко засмеялся, соскользнул на землю и ударил по скале ладонью. В скале медленно открылась трещина.

— Лезьте внутрь! — велел он и следом за ними пролез в трещину сам. Скала снова закрылась.

Вскоре возле скалы послышался тяжелый топот. Людоеды нашли следы юношей, а может, почуяли, что юноши сидят в скале. Беглецы услышали скрежет о камень громадных зубов людоедов. Они пытались разгрызть скалу, приютившую юношей.

— Не бойтесь! Вы в безопасности, — сказал карлик. — Сюда никто не сможет проникнуть — ни великан, ни людоед.

У одного из спутников Кулуме была дудочка, он приложил ее к губам и начал играть, а птицы сначала внимательно

но слушали, а потом запели под дудочку. Карлик поставил перед юношами полную миску амаси и дробленой кукурузы, и начался настоящий пир. Все только радовались, что гостеприимный хозяин не угощает их мясом.

После ужина юноши подробно рассказали карлику о своем опасном путешествии. Он долго смотрел на Кулуме, а затем взял в свои маленькие ладони его асsegай и начал его поглаживать.

— Этот асsegай волшебный, — сказал он, — а через мои пальцы в него входит еще большая сила.

Юношам стало страшно, но карлик улыбался, и они успокоились. Перед тем как лечь спать, карлик отвел Кулуме в сторону и долго шептал ему что-то на ухо.

— Ты храбрый юноша, — были его последние слова, — и за это ты будешь награжден!

Когда беглецы пробудились после долгого сна, выход из скалы был открыт, а их добрый хозяин исчез. Кулуме осторожно выбрался из скалы и огляделся по сторонам: не спрятались ли где людоеды. Вокруг было тихо. Юноши, боязливо оглядываясь, сбежали по склону и притаились в зарослях. Выждав некоторое время, они пустились в путь.

В тот самый день вождь Фелелва, прикрыв ладонью глаза, долго и тревожно смотрел туда, где кончалась доли-

на и где вдаль по холмам вилась тропинка. На траву уже ложились длинные тени.

— Опять их захватила ночная тьма, — сказал один из его приближенных, — сегодня седьмой день, как они ушли!

Вождь сидел прислонясь к ограде загона. Вокруг стояли его индуны, стараясь угадать по лицу вождя, что им владеет — надежда или печаль. И когда они поняли, что его худое, изможденное лицо выражает горе, они тоже по-мрачнели. Один из них посмотрел на старого Мбату, смиренно сидевшего невдалеке, и сказал с ожесточением:

— Птица, которая прыгает то туда, то сюда, сама попадетя в руки охотника!

Мбата опустил голову. Ведь все знали, что именно из-за него сидят они сейчас здесь в томительном ожидании.

Солнце закатилось, и Фелелва тяжело поднялся, чтобы пойти погреться в хижине своей третьей жены — матери Кулуме. Вместе им будет легче перенести потерю последнего сына его крааля.

Вдруг самый зоркий юноша остановил вождя и закричал на весь крааль:

— Вон они! Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь! Они все вернулись!

И вот издалека, из-за долины, послышался тоненький, чуть слышный голос:

— Это я, Кулуме, твой сын! У меня новое имя! Мы поймали птиц! И ко мне вернулся мой голос!

Весь крааль пришел в движение. Женщины и дети закричали от радости и бросились вниз по склону встречать путников.

Но что это делают юноши? Они остановились на тропинке, вьющейся вниз по склону, и в угасающем свете дня было видно, как они выстроились в одну линию, лицом к краалю. Юноши поставили клетки с птицами у своих ног, а Кулуме отошел в сторону и размахивает ассегаем. Вот он перебегает от клетки к клетке, слегка касается их кончиком

своего копья, и из каждой клетки выходит не птица, а рос-
лый юноша. Погибшие сыновья снова ожили!

Так скорбь вождя Фелелвы уступила место радости! Старый Мбата крепко обнял Кулуме, а женщины и девушки в восторге пустились в пляс вокруг них.

Никогда в той долине не случалось подобных чудес, и даже Имбонги* не мог найти достаточно торжественных и звонких слов, чтобы рассказать о мужестве храбрых юношей.

Когда взошел на небо месяц, он увидел, что долина полна веселья и хлопот, — там готовились к величайшему празднику, который когда-либо устраивали в этих местах. И ночь превратилась в день, а печаль — в безграничную радость.

* «Восхвалитель», особая должность при дворе вождя.

Приключения Ониховы

Одно
ки счи
отсюда,
свирепь
дые дев
—
вались
ся в во
Вме
нитель
ли до
ослушн
конец
нинам.
Но
—
сите на
Же
свои г
путь.
А
от сво
Онихо
дому.
Им
прави
да-то
здесь.
разыск
Де
как вд
—
раздав
спрята
—

Одно из племен народа гереро решило уйти со старого удобного места, где оно прожило много лет. Старик считали, что лучше всего переселиться подальше отсюда, чтобы избавиться от опустошительных набегов свирепых горных дамаров. Только дети, и особенно молодые девушки, были в отчаянии.

— Как нам жить без нашей прекрасной реки? — жаловались они. — Мы так любим играть на берегу и плескаться в волнах!

Вместе со своей предводительницей — Ониховой, Хранительницей Священного Огня, девушки плакали и роптали до тех пор, пока вождь не пригрозил сурово наказать ослушниц за то, что они задерживают выступление. Наконец все племя двинулось в далекий путь по знойным равнинам.

Но вот девушки снова захныкали.

— Нам тяжело! — сказали они своим матерям. — Несите нашу кладь сами!

Женщины, и без того тяжело нагруженные, взвалили на свои головы поклажу дочерей, и племя продолжало свой путь.

А девушки, освободившись от ноши, незаметно отстали от своих соплеменников, а затем вслед за быстроногой Ониховой повернули назад и побежали в своему старому дому.

Им было страшно войти в покинутые краали, и они отправились к реке, к маленькой хижине, которую они когда-то построили себе на берегу. Они решили остаться здесь. Девушки надеялись, что их соплеменники вернутся разыскивать их и снова поселятся на старом месте.

Девушки весело возились с костром и готовили пищу, как вдруг послышались громкие грубые голоса.

— Это дамары! — в ужасе закричали девушки. Голоса раздавались все ближе и ближе, и уже не было времени спрятаться.

— Спасем хотя бы Онихову! — воскликнула одна из

подруг, растерянно оглядывая крошечную хижину. Онихова притаилась у задней стены хижины, девушки набросали на нее ворох одежды, а сами сели так, чтобы загородить ее.

Толпа свирепых охотников окружила хижину, и какой же раздался хохот, когда они увидели, что она полна беззащитных девушек. Охотники выволокли девушек наружу и, грубо расталкивая их, принялись делить между собой.

Тем временем один старый дамар забрался в хижину и стал шарить в ворохе кожаной одежды. Вдруг он заметил маленькую ножку и схватил ее.

— Тут еще одна! — крикнул старик и вытащил из хижины Онихову. Дамары увидели, как она прекрасна, и их вождь потребовал ее для себя.

— Надо нам сначала добыть побольше мяса, а потом уж отведем девушек к нам в горы, — сказал их вождь.

И вот на следующий день рано утром охотники ушли за добычей. Стеречь девушек остался старик. Девушки сидели в хижине, а старик лег у входа и сказал:

— Я буду вас охранять! Только сидите тихо и дайте мне еще немножко поспать. Когда я просто дремлю, я делаю так: «хрр-р, хрр-р», а когда я сплю крепко, я делаю вот так: «фью-ю, фью-ю».

Онихова приложила палец к губам в знак молчания, и все девушки замерли, крепко обняв друг друга.

— Хрр-р, хрр-р, хрр...р, — доносилось от входа. Но вот послышалось: — фью-ю...ю...

Онихова неслышно поднялась, подошла к очагу, взяла пригоршню священного пепла и помазала им лоб каждой девушки. Потом, знаком попросив их помочь ей, она подняла с очага большой камень. Девушки тихо подкрались к двери, и трах! — камень рухнул на голову спящего.

Девушки бросились прочь, даже не останавливаясь, чтобы в последний раз взглянуть на родные места. Они отыскали дорогу, по которой ушли их родители, взобрались вверх на крутой берег реки и очутились в скалистой местности.

Вдруг одна девушка остановилась как вкопанная и указала вдаль.

— Что это? — воскликнули ее спутницы. Зоркая девушка заметила, что вдали по горному кряжу двигаются какие-то люди. Это были дамары.

Девушки в страхе искали, где им укрыться, пока дамары их не увидели. Онихова заметила большую плоскую скалу и решила попытаться спрятаться в ней. Она произнесла волшебные слова и с радостью увидела, как в скале

открылась трещина. Не теряя времени Онихова потянула за собой своих спутниц, и они все заползли внутрь скалы. Была среди них одна девушка, по имени Ока-ха-ва-ндие — жалкое и слабое создание. Она всегда плелась позади всех, но тут даже она успела забраться в добрую скалу, прежде чем та закрылась.

— Смотрите, не обижайте скалу, — прошептала Онихова, — не жалуйтесь, если даже скала сдавит нас и нам будет тесно.

Но, к ее ужасу, Ока-ха-ва-ндие громко сказала:

— Какая гадкая, злая скала, она так сжала нас!

Девушки испуганно переглянулись, а Онихова лишь укоризненно покачала головой, услышав слова глупой девушки. В полном молчании они опустились на пол крошечной пещеры, в которой они оказались, и молили только о том, чтобы скала не раздавила их насмерть.

Дамарам повезло на охоте. С богатой добычей они вернулись к хижине у реки и обнаружили, что их старый охотник убит, а все пленницы бежали. Дамары отыскали следы беглянок, и они привели их к большой плоской скале. Здесь следы обрывались.

— Странно! — сказал вожак, и дамары уселись на землю понюхать табак и обдумать, что делать дальше. И вот, когда они молча ждали, что скажет их вождь, вдруг послышалось слабое, приглушенное звяканье. Это был звон колокольчика, который Онихова всегда носила на запястье. Видно, она пошевелилась в скале, и охотники услышали ее колокольчик.

— Вот они где! — прошептал вожак. — Здесь колдовство! Мы не в силах ничего сделать, пока они сами не выйдут.

Охотники посоветовались между собой и решили оставить на скале несколько своих ассегаев, луков и стрел.

— Мы скоро вернемся и посмотрим, не взяли ли их, — сказал вожак. — Если наше оружие исчезнет, значит девушки вышли из скалы, и мы их снова поймем.

Они
дья анти
Деву
В скале
ки уже
ти на с

скала р
ли в тр
всегда
крылась
Дол
другу, н
помогло
— И
наконец
произво
В это
и луки с
пить, но
н, уж ес
Еще

Они положили оружие на скалу и ушли. Вскоре, преследуя антилопу, дамары забыли обо всем на свете.

Девушки ни слова не слышали из разговора дамаров. В скале было очень тесно и душно, и, надеясь, что охотники уже далеко ушли от этого места, Онихова решила выйти на свежий воздух. Она произнесла свои заклинания,

скала раскрылась, и девушки одна за другой проскользнули в трещину. Но когда незадачливая Ока-ха-ва-ндие, как всегда позади всех, тоже хотела выйти, скала вдруг закрылась и девушка осталась у нее в плену.

Долго и горячо умоляла Онихова скалу выпустить подругу, но все было напрасно — ее колдовское искусство не помогло.

— Нам нельзя больше задерживаться, — воскликнула наконец Онихова, — придется бросить Ока-ха-ва-ндие на произвол судьбы.

В это время одна из девушек заметила на скалеasseгаи и луки со стрелами. Сначала подруги не знали, как поступить, но потом подумали, что оружие защитит их от врагов и, уж если оно попало им в руки, надо его взять.

Еще раз постучала Онихова по скале.

— Будь милосердна! — вскричала она. — Бедняжка лишь по глупости обидела тебя.

Но скала не дрогнула, и девушки печально побрели по дороге, по которой накануне ушли их родители.

Через некоторое время к скале подошел лев. Ему почудилось, что в скале кто-то плачет и зовет на помощь. Он знал, что эта скала волшебная, и стал прислушиваться.

— Видно, кто-то попался, — сказал он сам себе, — ну, сегодня можно не утомлять себя охотой.

Лев проревел своим царственным голосом волшебное слово, и скала медленно открылась. Из нее выскочила маленькая испуганная девушка. При виде свирепого льва она метнулась в сторону, за соседнюю скалу. Перебегая от уступа к уступу, она подхватила тяжелый камень и, притаившись за обломком скалы, ждала, когда появится лев. Трах! Камень угодил прямо в голову свирепого зверя, а Ока-ха-ва-ндие бросилась бежать без оглядки.

Стрелой мчалась она по дороге вслед за подругами. Девушки то и дело оглядывались — не догоняют ли их дамагры, и вдруг увидели вдали маленькую фигурку. Они побежали назад, навстречу ей, и вскоре Ока-ха-ва-ндие снова очутилась среди своих подруг. Им некогда было послушать ее рассказ, и, даже не передохнув, они помчались дальше.

Немного погодя возвратились к скале охотники и увидели, что оружие исчезло. Они стали опять разыскивать следы и приготовились к погоне, чтобы снова захватить девушек. Но вот один искусный охотник заметил у скалы следы маленьких ног и очень удивился, когда наткнулся на огромного мертвого льва. Зверь был убит камнем, так же как и их старый соплеменник. Охотник созвал всех, и дамары в изумлении глядели на царя зверей, убитого слабыми девушками.

— Нужно забрать его шкуру, — сказал вожак, — сдвигайте ее быстрее! Она будет наградой тому, кто первый настигнет беглянок.

Охотники рьяно взялись за дело. Завладеть шкурой льва им хотелось не меньше, чем настичь Онихову и ее подруг.

Потом они снова побежали по следам девушек, а львиную шкуру поручили нести самому младшему. Огромными прыжками мчались вперед дамары, и, если бы не шкура, прельщавшая всех, они скоро нагнали бы девушек. Но лучший бегун среди них был уверен, что шкура достанется ему. Он внезапно выхватил ее из рук товарища и бросился вперед. Разгневанный вожак грозно закричал, тогда другой охотник пустил стрелу, и она глубоко вонзилась в ногу вора. Охотники догнали похитителя, но он не отдавал шкуру и стал отбиваться. На помощь ему пришли его братья, началось побоище, а забытая шкура очутилась под ногами дерущихся.

Дамары избивали друг друга до тех пор, пока совсем не обессилели и не пали духом.

— Я возвращаюсь домой, к своей жене! — сказал охотник, раненный стрелой.

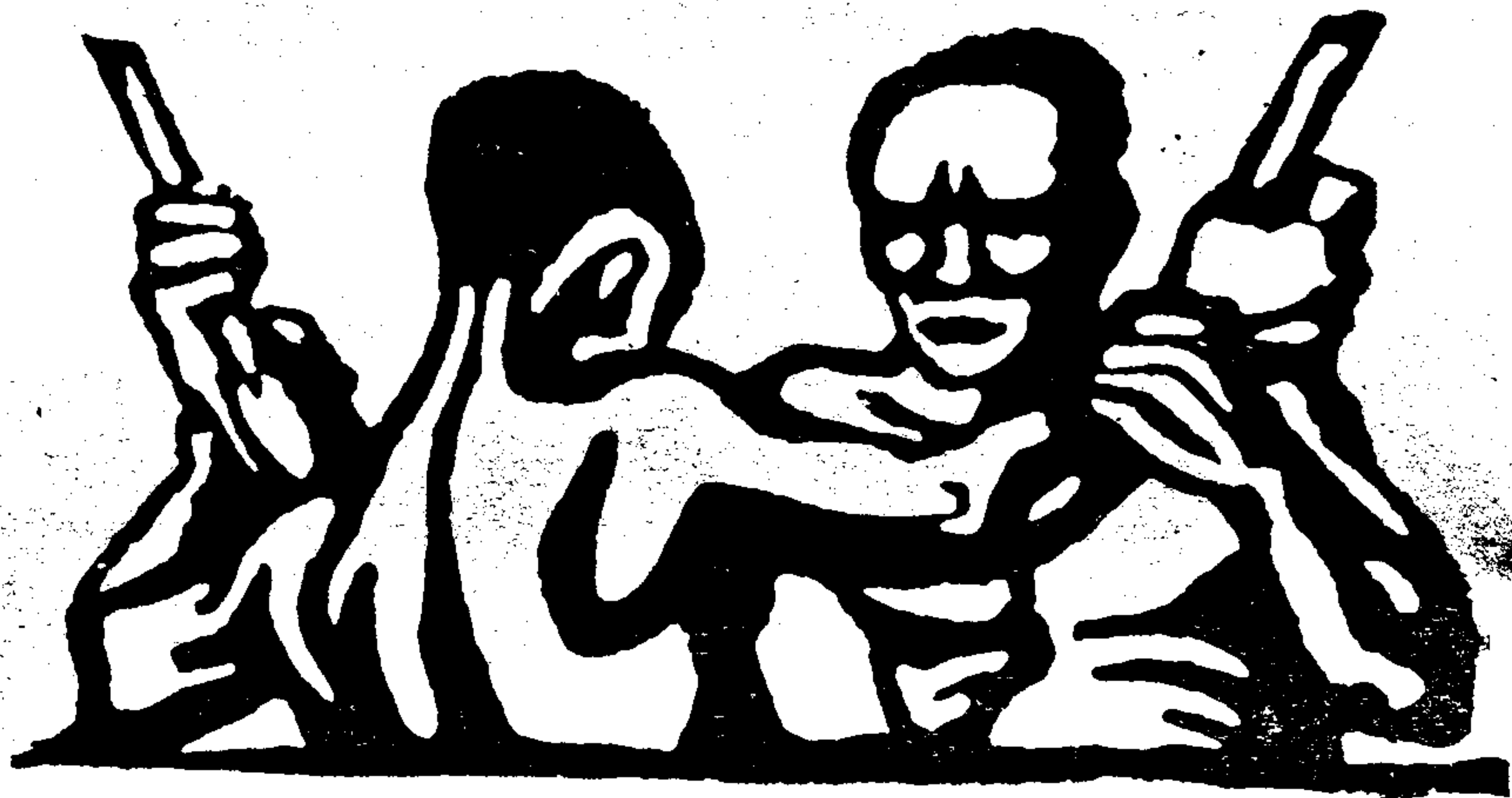
Ему надоела жизнь, полная опасностей, и он направился назад в горы. Один за другим все охотники последовали его примеру. Так кончилась погоня за Ониховой и ее подругами.

Полумертвые от страха и усталости, девушки нагнали

свое племя как раз в ту минуту, когда все решили идти назад, на их розыски.

В благодарность за спасение дочерей племени отец Ониховы велел заколоть много скота и устроил большое пиршество.

С тех пор девушки и не помышляли о том, чтобы бросить свое племя и лишиться его заботы и надежной защиты.

Девушки-птицы

...и много
...росла
...сказка, сказ
...вперед
...слева
...Семья у
...том говор
...коронами.
...и красивой
...после пом
...его мужа
...Проща
...дала ее:
...— Есл
...бабуина; с
...преследов
...счастливы
...стигнет бе
...И вот,
...старик
...ним за
...бабуин. В
...предупре
...— Не
...кам. — О
...Нелес
...то, и се
...сочинков
...ла сердит
...— Я с
...ека, слез
...в тени.
...Вскор
...Сын

Пышное свадебное шествие двигалось по колючим зарослям страны Зулу. Невеста и ее жених, умтвана* Кэкэка, ехали верхом на великолепных белых быках. Впереди шагал отряд воинов из племени жениха, а позади, распевая веселые песни, шли девушки из племени невесты.

Семья у невесты была необычная. Как ни печально об этом говорить, все остальные дочери в краале ее отца были воронами. Они очень завидовали своей сестре — статной и красивой девушке. Поэтому было решено, что сразу же после помолвки невеста отправится в крааль своего будущего мужа.

Прощаясь со своей любимой дочерью, мать предупреждала ее:

— Если вы повстречаете на горных равнинах зеленого бабуина, смотри, чтобы твой жених и воины не начали его преследовать. Если они не тронут его, ваш брак будет счастливым, но стоит им погнаться за бабуином, и вас постигнет беда.

И вот, лишь только путники миновали заросли колючих кустарников и поднялись на горную равнину, прямо перед ними запрыгал с дерева на дерево Нсиманго, серо-зеленый бабуин. Воины тотчас же погнались за ним, забыв, о чем предупреждала невесту ее мать.

— Не бойтесь! — сказал умтвана невесте и ее подружкам. — Они мигом расправятся с обезьяной и вернутся.

Невеста, которую звали Комбеканзини, или просто Куко, и ее подруги сначала терпеливо ждали возвращения охотников, но, когда время подошло к полудню, Куко начала сердиться.

— Я сейчас приведу их обратно, — сказал умтвана Кэкэка, слез с быка и убежал, а девушки укрылись от солнца в тени.

Вскоре Куко попросила своих подружек принести ей

* Сын вождя.

воды. Но только они скрылись из виду, как вдруг рядом с девушкой появилась громадная ящерица Мбулу.

— Добрый день, прекрасная инкосазана! * — сказала Мбулу. — Какая на тебе красивая юбка! Прошу тебя, сойди с быка, позволь мне поглядеть на нее поближе.

Сначала Куко отказалась исполнить просьбу Мбулу, но ей так надоело сидеть на быке, что в конце концов она спустилась на землю.

— Пожалуйста, сними твою прекрасную юбку, инкосазана, дай мне рассмотреть ее получше, — просила Мбулу. И Куко протянула ей свою юбку из мягкой кожи. Однако, вместо того чтобы только полюбоваться ею, Мбулу обернула юбку вокруг себя и завязала ее на бедрах.

— А теперь дай мне примерить твое покрывало, — сказала Мбулу.

Безобразная тварь так перепугала Куко, что та отдала ей и покрывало. Мбулу набросила его на голову и проворно вскарабкалась на быка, говоря, что ей хочется хоть немножко посидеть на прекрасном быке.

— Слезай сейчас же, — закричала сквозь слезы Куко, — отдай назад мою одежду!

В этот момент слышались голоса ее подруг, которые

* Дочь вождя, принцесса.

возвраща
это? И не
становятс
перьями. I
— Убр
размахива
тели на де
Након
того бабу
— А г
по сторона
— Что
кликнул К
— Все
одним, — с
чуть не ис
— И в
и ему вспо
отца невест
семьи, на к
Безмолв
день к кра
ми Кэкэка,

возвращались с водой, и Куко очень обрадовалась. Но что это? И невеста и ее подруги вдруг почувствовали, что они становятся все меньше и меньше и тело их покрывается перьями. И вот вместо девушек лишь стайка маленьких зеленых птичек прыгает по земле.

— Убирайтесь прочь! — крикнула на них злая Мбулу, размахивая чешуйчатой лапой. Птички защебетали и взлетели на деревья.

Наконец Кэкэка и его воины вернулись со шкурой убитого бабуина.

— А где же девушки? — спрашивали они, оглядываясь по сторонам.

— Что случилось с моей невестой? — в отчаянии воскликнул Кэкэка, глядя на чудовище, сидевшее на быке.

— Все мои подружки ушли домой, им стало страшно одним, — сказала Мбулу своим грубым голосом, — да и я чуть не испеклась на этой жаре!

— И впрямь... — содрогаясь от ужаса, подумал Кэкэка, и ему вспомнилась стая ворон, которых он видел в краале отца невесты. Разумно ли он поступил, взяв себе жену из семьи, на которой лежало такое страшное проклятье?

Безмолвная унылая процессия подошла на следующий день к краалю жениха. Впереди шли строем воины, за ними Кэкэка, а позади всех ехала Мбулу.

Внезапно стая маленьких птичек с громким чириканьем закружилась над их головами. И вот что пропели птички:

Твит, твит, твит!
Ты свадьбу справляешь,
А сам и не знаешь,
Что гадина злая
Рядом сидит.

Как ни прогоняли птичек, они снова слетались и до самых ворот крааля позорили невесту своей песней.

В центре крааля, в загоне для скота, сидел вождь, окруженный мужчинами*. Мнимая невеста дерзко подъехала к вождю, но Кэкэка и воины в страхе и нерешительности остались позади.

— Кто это? Где та красивая девушка, которую мой сын хотел взять себе в жены? Что за чудовище ты привез? — в гневе закричал вождь своему сыну. — За этот обман все твои воины будут преданы смерти!

— Нет, нет, отец! — отвечал несчастный Кэкэка. — Я видел ту девушку, она еще прекраснее, чем о ней говорили. Но ... — и он рассказал отцу, что с ними приключилось в горах.

— Это злое колдовство, — решил вождь, обдумав все, что он услышал. — Надо подождать. Посмотрим, что будет дальше.

* В центре загона для скота расположена площадь, где происходят собрания обитателей крааля и празднества.

И он п
— Уве
местите ее
Кэкэка
дине, и св
Был са
дни, с ран
полях, вы
только ста
ла работа
И вот
ша увиде
красивая
с ней и п
от любов
слова.
— И
нялись за
Одни
зом, друг
лись к р
они подо
спросили
— Ш
это сдела

И он позвал женщин.

— Уведите э-э... э-э... эту невесту, — сказал он, — поместите ее в отдельную хижину. Она обезображена зноем!

Кэкэка заявил, что он ни за что не женится на этой уродине, и свадебные церемонии были приостановлены.

Был самый разгар лета, месяц собачьих свадеб, и целые дни, с раннего утра до позднего вечера, люди проводили на полях, выпалывая сорняки. В краале вождя оставалась только старая Шоша, которая едва волочила ноги и не могла работать в поле.

И вот на следующий день после прибытия Кэкэки Шоша увидела возле краала много пригожих девушек. Самая красивая из них подошла к старухе, учтиво поздоровалась с ней и просила ее сохранить втайне их посещение. Сгорая от любопытства, Шоша пообещала никому не говорить ни слова.

— Идемте, девушки, — позвала красавица, и они принялись за работу.

Одни убирали в хижинах, смазывая пол свежим навозом, другие толкли кукурузу на пиво, а некоторые отправились к роднику за водой. Когда девушки кончили работу, они подошли к старухе, удивленно наблюдавшей за ними, и спросили:

— Шоша, что ты скажешь, когда тебя спросят, кто все это сделал?

— Я скажу, что это я все сделала!

Девушки рассмеялись, выбежали из крааля и скрылись в лесу.

Когда обитатели крааля вернулись с поля, на Шошу посыпались вопросы:

— Кто это сделал? А это кто сделал?

В ответ старуха запела:

Ковыляя, я мазала пол,
Я успела и пиво сварить,
Ковыляя, я вымела сор
И сумела воды наносить!

— Как?! Значит, все это сделала ты, Шоша! — удивлялись люди.

На следующий день случилось то же самое. В этот день девушки приготовили сусло: они налили в толченую кукурузу воды и добавили туда проросшие зерна сорго, чтобы пиво лучше перебродило.

Кончив работу, они учтиво попрощались с Шошей:

— До свиданья, бабушка!

— До
тери! *
И снов
доумевали
На тр
его и пос
краев ку
Потом
пока не
В это
— Ш
спросы.
случится

Но
ее отк

—
—
отвеча

ровно

ки, а

бы ть

* Б
называ
обраде

— До свиданья, свадебная свита матери нашей матери! *

И снова, вернувшись с работы, люди удивлялись и недоумевали, а Шоша опять все выдала за свою работу.

На третий день пиво было готово. Девушки процедили его и поставили во все хижины по большому, полному до краев кувшину.

Потом они вместе с Шошей выпили пива и веселились, пока не настало время возвращаться в лес.

В этот день люди говорили:

— Шоше, должно быть, надоело отвечать на наши расспросы. Не будем ей ничего говорить. Видно, у нас в краале случится что-то удивительное.

Но Кэкэка тайком пробрался к старухе и стал просить ее открыть ему тайну.

— Не могла же ты все это сделать одна! — говорил он.

— Если я тебе расскажу, я нарушу свое обещание, — отвечала Шоша, — но так и быть, слушай. Каждый день, ровно в полдень, у нас в краале появляются какие-то девушки, а приводит их добрая и прекрасная инкосазана. Если бы ты только посмотрел на них!

* Вождь племени у банту как бы глава патриархальной семьи. Его называют «отцом отцов». Куко — невеста сына вождя. Отсюда такое обращение.

— Завтра в полдень я буду здесь, — сказал юноша.

На четвертый день девушки работали еще усерднее и принесли по вязанке дров в каждую хижину. Они отдыхали в хижине Шоши, наслаждаясь крепким пивом, которое они сварили, как вдруг в дверях хижины появился Кэкэка. Девушки вскочили и попытались выскользнуть из хижины мимо него, но он не пустил их.

— О Комбеканзини! — воскликнул он, с первого взгляда узнав свою невесту. — Дитя моего отца *, что плохого я тебе сделал! За что ты так жестоко наказываешь меня?

Девушка рассмеялась:

— Разве не ты увел меня из краала моего отца, а потом бросил в горах и взял вместо меня гадкую ящерицу!

— Я знал, что эта гадина не ты! — вскричал юноша. — Когда я не нашел тебя, я думал, что умру от горя!..

— Ты должен отпустить нас, — сказала Куко. — Когда солнце склоняется к западу, злые чары снова обращают нас в маленьких зеленых птичек.

* Молодая жена как бы удочеряется в краале своего мужа.

— Ну, нет! Ни за что я не отпущу вас! — воскликнул умтвана. — Все это наделала самозванная невеста. Это ее надо выгнать отсюда или убить! Оставайтесь здесь, с Шошей, и не выходите из хижины!

Он побежал в поле и упросил своего отца вместе с надежными людьми немедленно вернуться в крааль. Здесь он с радостью показал им прекрасную девушку, которая была его настоящей невестой.

Вождь, не теряя времени, призвал своего колдуна, и они придумали, как расправиться с Мбулу. Были посланы гонцы, чтобы как можно скорее созвать с полей весь народ.

Тем временем мужчины вырыли среди загона для скота глубокую яму, а женщины поставили на огонь большие горшки с водой.

Народ вернулся с полей, и все удивлялись, почему их созвали, когда солнце еще высоко. Мбулу, которая все еще прикидывалась девушкой, была тут же.

— Подходите все сюда! — приветливо приглашал

вождь. — Мы сейчас устроим веселое состязание, а потом будем пить пиво. Добрая Шоша нам много его наварила.

Женщин тоже позвали в загон для скота, но Мбулу не хотела идти, уверяя, что она не смеет войти за ограду загона в чужом краале*.

— Я разрешаю тебе войти, — сказал вождь, и Мбулу последовала за женщинами.

В загоне женщины затеяли игру и стали прыгать через вырытую яму. А на дне ямы стоял горшок с молоком. Все перепрыгивали яму, но вот очередь дошла до Мбулу. Маленькая безобразная чешуйчатая тварь прыгнула. Но когда она очутилась над ямой, она вдруг почувяла свежее молоко. Мбулу взмахнула хвостом, который до сих пор так старательно прятала под одеждой, и угодила прямо в яму. С жадностью набросилась Мбулу на молоко — ведь ящерицы любят свежее молоко больше всего на свете**. Горшки кипящей воды были наготове, люди опрокинули их на злобную тварь, и Мбулу сварилась живьем.

Тут Кэкэка торжественно вывел из хижины старой Шоши свою настоящую невесту и ее подруг. Невеста застенчиво шла рядом с женихом, и все восторгались ее красотой.

Смеясь от радости, Шоша рассказала всем, как день за днем девушки делали всю работу в краале.

— Таскайся я взад-вперед хоть целый день, — с улыбкой добавила она, — будь я самая проворная старуха на свете, все равно я бы со всей этой работой не управилась.

И люди радостно говорили:

* Загон для скота — священное место в краале. По верованиям некоторых банту, там обитают духи умерших предков. Поэтому чужого — в данном случае невесту — обычно допускают туда не сразу, а после соответствующих обрядов.

** Банту Южной Африки не пьют свежего молока, а употребляют в пищу только амаси — кислое молоко.

— У
девушка на с
Вождь пр
праздник вес
— Да во
Шоша и зак

— У нашего умтваны невеста — самая трудолюбивая
девушка на свете!

Вождь приказал заколоть много скота и созвал на
праздник весь народ.

— Да вознаградится доброе дело! — сказала старая
Шоша и заковыляла поближе к пиву.

Девушка, искавшая опасность

Н^е совсем
того
усердно ра
рывать, —
това на к
проделка, т
шла, что д
вселился в
Три го
решить ей
таинствен
вая и крас
Однако Н
тех пор, г
увидеть с
собой дев
Они ш
бе страх,
росшего п
которого
через лес
на обрыв
— Та
инкосава
жет, вода
ней нав
Деву
рук и но
юбки и
Но во
— В
там. — К
Деву
— Н
одежду!

Нтомбинде, дочь, дарованная вождю Узикулуми, была совсем не похожа на других девушек племени. Вместо того чтобы довольствоваться уделом всех женщин — усердно работать, вести себя скромно и поменьше разговаривать, — Нтомбинде была смела, как юноша, и всегда готова на какую-нибудь проделку. И чем опаснее была проделка, тем больше это нравилось Нтомбинде. Отец ее решил, что дух какого-то воинственного предка по ошибке вселился в его дочь.

Три года Узикулуми противился просьбам дочери разрешить ей с подругами побывать на берегах страшной и таинственной реки Илуланге. Нтомбинде была самая статная и красивая из его дочерей, и от женихов не было отбоя. Однако Нтомбинде отказалась даже говорить о свадьбе до тех пор, пока не будет исполнено ее безумное желание увидеть страшную реку. Наконец вождь уступил, и, взяв с собой девушек, она отправилась в путь.

Они шли по крутым тропинкам и, чтобы заглушить в себе страх, смеялись и пели. Наконец они добрались до заросшего густым лесом глубокого, мрачного ущелья, на дне которого текла быстрая река. Нтомбинде повела девушек через лес, и после долгого и трудного спуска они очутились на обрывистом берегу.

— Так вот прославленная Илуланге! — воскликнула инкосазана. — Да ведь она такая же, как и все реки! Может, вода в ней немного потемнее, но это потому, что над ней нависли высокие утесы. Давайте-ка выкупаемся!

Девушки сняли свои украшения, ожерелья и браслеты с рук и ног, сбросили отделанные медными бусами кожаные юбки и вошли в прохладную воду.

Но вот одна из девушек вскарабкалась на берег.

— Выходите скорее! — закричала она своим подругам. — Кто-то похитил всю нашу одежду!

Девушки поспешили на берег.

— Наверно, это Изикукумадеву, Мать Чудовищ, взяла одежду! Зачем только мы пришли сюда, — плакали они.

— Не хнычьте! — сказала Нтомбинде. — Стоит только попросить, и вы получите все обратно.

Одна из девушек стала умолять чудовище:

— Сжался надо мной! Я не хотела сюда приходить. Меня привела сюда наша инкосазана. Сжался надо мной, доброе чудовище!

И вот в тот же миг ее юбка и украшения очутились на берегу!

Одна за другой девушки просили чудовище вернуть им одежду и получали ее обратно. И только Нтомбинде надменно сказала:

— Не бывать тому, чтобы инкосазана, красивейшая дочь Великого Вождя, унижалась перед каким-то речным страшилищем!

Не успе
громадная голов
где исчезла
через лес и тол
обрались до д
Вождь созе
ступить в пох
янде. Очень
ишь только о
громадная гол
всти страши

А у чуд
воды и дви
мощными л
ползла по с
ти бежали
всех. И даж
проглотило
всю его мн
Наконец
по имени С
нецов. Изв
все-таки он

Не успела она сказать эти слова, как из воды поднялась огромная голова, скользкие челюсти схватили ее, и Нтомбинде исчезла в пасти чудовища. А ее спутницы бросились через лес и только к ночи, еле дыша от ужаса и усталости, добрались до дому.

Вождь созвал своих воинов и велел им на рассвете выступить в поход, чтобы убить чудовище и освободить Нтомбинде. Очень не хотелось воинам идти к реке Илуланге, и лишь только они показались на берегу, из воды высунулась громадная голова, и все они, как и инкосазана, очутились в пасти страшилища.

А у чудовища аппетит разыгрался. Оно вылезло из воды и двинулось вверх по склону ущелья. Круша своими мощными лапами деревья, как травинки, Изиккумадеву ползла по склонам холмов, и все мужчины, женщины и дети бежали прочь от нее, но она настигла и пожрала их всех. И даже скот, и собак, даже диких фыркающих кошек проглотило чудовище. Та же участь постигла Узикулуми и всю его многочисленную семью.

Наконец Изиккумадеву добралась до краая человека, по имени Собабилли, у которого было двое прекрасных близнецов. Изиккумадеву уже до отказа набила брюхо, но все-таки она проглотила близнецов и двинулась дальше.

Вскоре вернулся с охоты Собабилли. Горе охватило его, когда он не нашел своих детей. Он взял свой ассегай и погнался за чудовищем.

Сначала он повстречал буйволов и спросил у них:

— Не видели ли вы Бородатое Чудовище, которое унесло моих детей?

— Ты говоришь о Матери Насекомых*, Крушительнице Деревьев? Да, мы видели ее, иди вперед, вперед!

Затем он встретил двух леопардов и спросил их:

— Не видели ли вы Бородатое Чудовище? Оно унесло моих детей.

— Ты говоришь о Матери Насекомых, Крушительнице Деревьев, о той, у которой длинные, широкие чешуи? Да, мы видели ее, иди вперед, вперед!

Потом Собабилли увидел слона и задал ему тот же вопрос.

— Ты говоришь о Матери Насекомых, Крушительнице Деревьев, — ответил слон, — о той, у которой длинные, широкие чешуи? О пожирательнице людей? Да, я видел ее. Иди вперед, вперед!

Наконец Собабилли подошел, как ему сначала показалось, к большому темному холму. Но потом он увидел, что у холма есть голова, и спросил у него:

* Можно предположить, что речь идет о саранче.

— Не видел ли ты Бородатое Чудовище? Оно унесло моих детей.

Голова ответила:

— Ты говоришь о Матери Насекомых, Крушительнице Деревьев, о той, у которой длинные, широкие чешуи, о пожирательнице людей? Да, я видела ее. Иди дальше, дальше!

К счастью для Собабилы, Изиккумадеву — а это была она — так набила себе брюхо, что не могла не только проглотить хотя бы еще одного человека, но даже двинуться с места.

Собабили вонзил в горло Изиккумадеву ассегай и распорол ей брюхо. И все люди и животные, которых она проглотила, выскочили из ее утробы, а самой последней — своевольная Нтомбинде, с которой начались все беды.

Долго и сурово бранил ее отец и велел ей найти себе мужа и образумиться. Нтомбинде успокоилась, но ненадолго. Однажды мать Нтомбинде пришла к вождю и рассказала, что ее дочери взбрело в голову выйти замуж за Человека-Змея, который жил далеко-далеко за Черной рекой. Слухи о нем дошли до страны Узикулуми, и Нтомбинде сгорала от желания выйти за него замуж.

Вождь Узикулуми гневно посмотрел на свою пятую жену — мать Нтомбинде — и сказал:

— К чему большие стада и обильные урожаи, если дети приносят одни только огорчения!

Жена печально опустила глаза и ничего не ответила, потому что сказать ей было нечего.

— Подумай только! Мы едва отдышались после той ужасной беды, которую она навлекла на нас, а она уже придумывает новые проделки! — продолжал вождь.

И в самом деле, исхудалые и измученные обитатели крааля вождя еще не оправились после тех страданий, которые они вытерпели из-за Нтомбинде.

Но как ни противились отец и мать, Нтомбинде, как и раньше, когда она во что бы то ни стало хотела побывать на опасной реке, настояла на своем. Наконец они устали от ее просьб, и Нтомбинде, взяв с собой несколько девушек, отправилась в страну Человека-Змея.

После долгого и трудного путешествия они подошли к краалю великого вождя. Нтомбинде выкупалась, надела свои самые лучшие украшения, вошла в крааль и остановилась у хижины первой жены вождя.

— Кого ты хочешь себе в мужья? — спросили ее.

— Человека-Змея, — ответила Нтомбинде и стала ждать, заколют ли они козу в знак того, что принимают невесту, или же протянут ей горящую головню в знак того, что она должна уйти и разжечь свой очаг в другом месте.

— Человека-Змея? — удивленно воскликнул кто-то.

— А где он живет? — спросил другой.

— У вождя Узиблингваны был такой сын, — сказал один воин. — Даже в моем далеком краале я слышал об этом.

— Верно, у него был такой сын, но мальчик давно пропал, — заговорили вокруг.

Старуха, которая стояла в стороне и молча прислушивалась к разговору, подошла к Нтомбинде и печально сказала ей:

— Это правда, я родила его, и после него у меня не было ни одного ребенка. Войди в мою хижину, дитя мое, и отдохни после твоего путешествия.

Нтомбинде осталась у старой Маниоки, несмотря на то, что мужчины крааля хотели отослать ее домой.

— Пусть она останется, — сказал вождь, — у меня есть другие сыновья, и она может выйти замуж за одного из них.

Для будущей невесты выстроили отдельную хижину, хотя некоторые были недовольны и говорили, что ей следовало бы жить вместе со старухой.

В ту ночь, когда хижина была готова, Маниока поставила в ней горшки с амаси и пивом и блюдо с мясом. Нтомбинде улеглась на циновку и крепко заснула. Когда утром девушка проснулась и заглянула в горшки, она с удивлением увидела, что все было съедено. Нтомбинде испугалась, что ее обвинят в краже, и решила поскорее рассказать все Маниоке.

— А ты не слышала, никто не входил в хижину ночью? — нетерпеливо спросила старуха.

— Нет, никто не входил!

Вечером этого дня в хижину поставили ту же еду. Закололи откормленного барана и вместе с амаси и пивом положили большой кусок бараньего мяса. Нтомбинде немно-

го побаивалась, но легла на циновку и скоро заснула. Вдруг чья-то рука коснулась лица Нтомбинде, и она проснулась.

— Что ты здесь делаешь? — ласково спросил ее мужской голос.

— Я пришла сюда, чтобы выйти замуж, — ответила Нтомбинде.

— За кого?

— За Человека-Змея!

— А где он?

— Говорят, он пропал.

— Но ты ведь можешь выйти замуж за другого сына вождя.

— Нет, моим мужем будет только Человек-Змей!

Наступило молчание. Потом голос сказал:

— Давай поедим! Вот тебе мясо!

— Нет, — ответила Нтомбинде, — я не смею есть мясо, пока для меня не заколют козу.

— Ну, тогда выпей пива!

— Нет, я не могу пить пиво, пока не выйду замуж.

Нтомбинде хотела раздуть огонь, чтобы увидеть лицо гостя, но он не позволил ей.

Еще не начало светать, когда старая Маниока подошла к хижине и сказала:

— Я слышала голоса ночью. С кем ты разговаривала?

Девушка рассказала ей все, что случилось: как появился ее ночной гость и как он исчез непонятным образом, даже не открыв плетеную дверь хижины. Лицо старухи озарилось радостной и лукавой улыбкой.

На следующий вечер сделали такие же приготовления. И снова Нтомбинде почувствовала, как чьи-то пальцы коснулись ее лица. Затем ночной гость приказал ей дотронуться до его тела. Она повиновалась и провела рукой по гладкой и скользкой, как у змеи, коже.

— Хочешь зажечь огонь? — спросил незнакомец.

— Хочу!

— Тогда дай мне пожевать табак!

Она подала ему табак. Он пожевал и сплюнул на пол. А плевков закричал с пола:

— Привет тебе, умтвана! Привет тебе, грозный умтвана! Привет тебе, великий, словно гора!

Это повторилось дважды, затем умтвана сказал:

— Раздуй огонь!

И Нтомбинде увидела перед собой высокого красивого юношу, с очень гладкой, блестящей кожей.

— Ты ли это, Человек-Змей? — спросила она.

— Да, это я.

— Где же ты живешь?

— Много лет назад я бежал из родного дома, потому что мои братья завидовали мне, — сказал Человек-Змей. — Они грозились забить мне горло землей, чтобы я не стал вождем после смерти отца. Я живу под землей, — продолжал он, — но теперь, когда нашлась девушка, которая хочет выйти за меня замуж, я могу снять с себя заклятье и снова предстать перед моим отцом.

На заре он послал Нтомбинде за своей старой матерью. Трещина от радости и страха, старая женщина боязливо вошла в хижину и склонила колени перед прекрасным незнакомцем.

— Это ты, мой сын, — рыдая, сказала она. — Разве могла я забыть твою блестящую кожу и сверкающие глаза!

— Что ты скажешь отцу? — спросил Человек-Змей.

Маниока многозначительно кивнула головой и молча улыбнулась. Она выскользнула из хижины и отправилась к вождю.

— Вели, чтобы весь народ варил пиво! — воскликнула Маниока, радостно приветствуя вождя.

— Зачем тебе пиво?

— Ты скоро узнаешь! Я хочу, чтобы весь народ увидел меня — ту, которая была великой женой, пока не пропал ее сын.

И вот наварили много пива, и собрался весь народ. Все смеялись над старой Маниокой.

— Чему радуется эта бесплодная, высохшая лоза? — спрашивали друг друга люди.

Но что бы там ни говорили, все охотно собрались пить пиво.

Хотя старая жена ничего не рассказала вождю, он верил, что произойдет что-то необычайное, и созвал всех своих воинов. Вооруженные асегаями и большими щитами, они выстроились в загоне для скота, а старуха все еще не раскрывала своей тайны.

И вот из хижины чужой девушки вышел высокий, сильный юноша. Кожа его блестела на солнце.

«Абанту ба сихека амехло!» — все были ослеплены, как говорит старое предание, Маниока бросилась на колени перед своим мужем.

— Это наш сын! Твой наследник вернулся к нам! — воскликнула она.

Народ ликовал. А если кто из братьев и мучился завистью, то не смел и слова сказать.

Возвращение наследника престола и его свадьбу с отважной девушкой, которая ради него пришла из далекой страны, отпраздновали великолепным пиршеством.

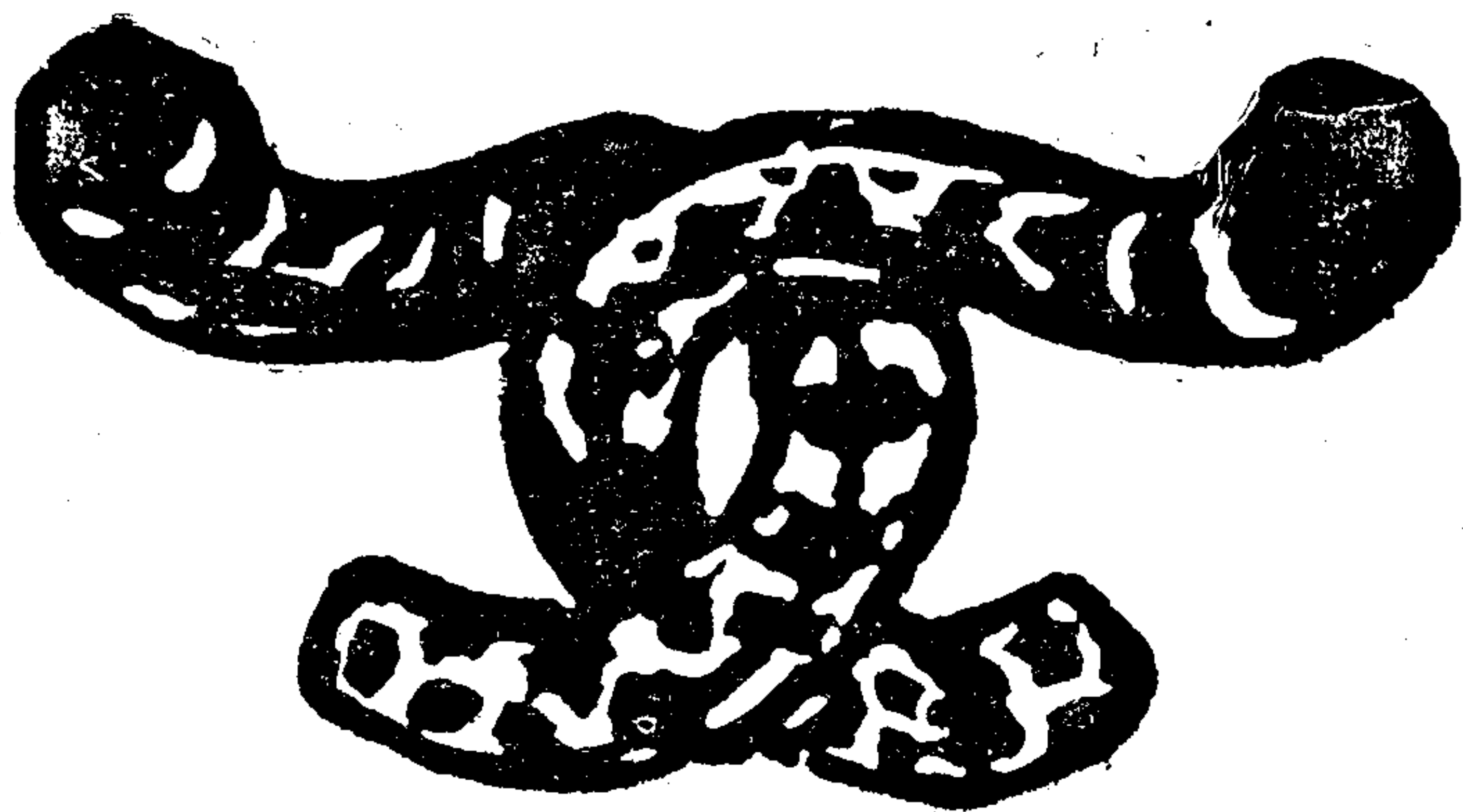
К отцу Нтомбинде послали немедленно гонцов, чтобы поскорее начать свадебные церемонии. Наконец-то Узикулуми мог быть спокоен за судьбу своей чересчур смелой и своенравной дочери.

Но больше всех радовалась старая Маниока. В юности она стала великой женой *. Скот для свадебного выкупа за невесту был собран со всех краалей племени. Маниока должна была родить вождю наследника. Но она родила только одного ребенка, и этот ребенок пропал. Тогда ее лишили всех почестей и поселили в нижней части крааля вождя, у ворот. Там в одиночестве она оплакивала свою печальную долю. Но вот в крааль явилась храбрая девушка и чудесным образом возвратила ей прежний почет.

Нтомбинде, как жене будущего вождя, вручили хвост леопарда, а столь пренебрегаемая Маниока, как мать, наследника получила почетный знак — хвост дикой кошки.

И все были счастливы, может быть, только кроме завистливых братьев. Все находили, что Человек-Змей и его статная жена — очень красивая пара.

* Когда вождь хочет назначить наследника престола, он либо возводит одну из своих жен в ранг «великой жены», и тогда один из ее сыновей становится наследником, либо берет новую жену специально для того, чтобы она родила ему наследника. В этом случае скот для ее выкупа собирается со всех краалей племени.

**Женщина, которая боялась
солнечного света**

... ладилось
... сама с со
... совсем э
... мой
... Бросила
... видит
... желтая
... удивил
... мчо.
... Канге
... ставь руки!»
... Женщина
... в них
... Прогл
... тебя роди
... Обрадов
... птичку.
... Что
... каннула ор
... Но птиц
... попросила
... Женц
... сла птичк
... дочь.
... вену за то
... далеко от гл
... цина реши
... лась, что
... кине уже в
... тчала дево
... «Одино
... ходить по
... Девочка
... что л
... луны,

Работала одна женщина на своем поле, и ничего у нее не ладилось. «На что мне этот хлеб?» горестно говорила она сама с собой. — Кто будет есть его? Живу я одна; муж совсем забыл меня, а детей у меня нет. Поистине, источник моей жизни иссяк!

Бросила женщина работать, стоит и смотрит вдаль. И вдруг видит она: по комьям земли скачет крохотная желтая птичка. И что-то держит в клюве. Женщина очень удивилась, когда птичка вспорхнула и села к ней на плечо.

— Кангела! — сказала птичка. А это значит: «Подставь руки!»

Женщина послушно протянула ладони, и птичка положила в них несколько крупинок.

— Проглоти их перед едой, — чирикнула птичка, — и у тебя родится ребенок, которого тебе так хочется.

Обрадованная женщина не знала, как отблагодарить птичку.

— Что же мне тебе дать, волшебная птичка? — воскликнула она, снимая с шеи ожерелье из ярких бус.

Но птичка не взяла бусы и не стала клевать просо. Она попросила лишь маленький гладкий камешек с речной отмели. Женщина отыскала такой камешек на берегу и принесла птичке. И вот в положенный срок у женщины родилась дочь. Муж ничего об этом не знал. Он сердился на жену за то, что у нее не было детей, построил ей хижину далеко от главного крааля и никогда не навещал ее. И женщина решила никому не показывать свою дочурку. Она надеялась, что муж снова полюбит ее, когда увидит в ее хижине уже взрослую красивую девушку. Поэтому она приучила девочку, имя которой было Тангалимлибо, что значит «Одинокий побег тыквы», днем скрываться в хижине, а ходить по воду и работать в поле только ночью.

Девочка выросла, и кожа у нее была очень светлая, потому что лучи солнца никогда не касались ее. Это была дочь луны, дитя ночи.

Однажды вечером, когда светила луна, отец Танги вместе со своими соплеменниками возвращался с охоты. У источника он повстречал девушку и попросил у нее напиться. Красота девушки поразила его.

— Кто это? — подумал он. — Должно быть, она живет где-то неподалеку, хотя я ни разу не видел ее.

Охотники остановились и стали следить, куда побежит девушка, а она поднялась по тропинке и скрылась в хижине своей матери.

Как удивилась покинутая жена, когда увидела, что в хижину входит ее муж. Ласково улыбаясь, он воскликнул:

— Жена моя, почему ты никогда не говорила мне о твоей красавице дочери? Или она не дочь тебе, а просто родственница и только называет тебя матерью?

Бедная женщина рассказала ему, что девушка и вправду их родная дочь. Она была счастлива, что наконец-то угодила мужу, а он долго за полночь говорил ей о том, что сделает теперь для нее и для их дочери.

Прежде всего, чтобы отпраздновать совершеннолетие Танги, отец заколол быка. Наварили пива, и все племя было приглашено на празднество. Много людей собралось посмотреть на обретенную отцом дочь, но девушка ни за что не хотела выйти из хижины матери до захода солнца.

Све
время
бил ее.
Но
Джебе
котора
—
рю, —
алю *.
Ты вед
о тебе?
Ма
взгляд
что ей
очага.
еще си
семьи.
Так
голов с
Отец г
дала бь
Вск
мальчи
нятливо
никогда
Но
странно
дневной
ла Танг
го света
Одна
охоту да
ставит
Солнце
* Пер
дять по ц
6-644

Светлая кожа Танги сияла в свете полной луны, и во время плясок Мпунзи, сын Джебе, впервые увидел и полюбил ее.

Но когда он заговорил с отцом о женитьбе, старый Джебе призадумался: можно ли взять в крааль девушку, которая весь день прячется в хижине?

— Молодой жене пристало быть скромной, не спору, — сказал он, — она не должна ходить по всему краалю *. Но как же она будет работать, если боится солнца? Ты ведь у нас единственный сын, кто же будет заботиться о тебе?

Мать посмотрела на Мпунзи и, увидев его тоскующий взгляд, поняла, как любит он Тангу. Тогда мать сказала, что ей по душе женщина, которая не будет отходить от очага. Бояться тут нечего; они поделят работу, да и у нее еще сил хватит, и она сама будет ходить за дровами для семьи.

Так и порешили. Послали брачный выкуп — несколько голов скота, — и Танга перешла в хижину своей свекрови. Отец привел в ее новый дом великолепного быка. Танга дала быку кусок своей одежды, он сжевал его и проглотил.

Вскоре у молодой жены родился крепкий, здоровый мальчик, и все были очень довольны. Танга оказалась понятливой и прилежной и усердно работала. Но днем она никогда не выходила из хижины.

Но Джебе, ее свекор, никак не мог примириться с этой странной привычкой и все время старался выманить ее на дневной свет. Он очень сердился, когда молодежь дразнила Тангу, называя ее «женщина, которая боится солнечного света».

Однажды Мпунзи отправился со своими друзьями на охоту далеко от дома. И Джебе решил, что теперь-то он заставит Тангу вести себя так, как подобает молодой жене. Солнце стояло уже высоко, когда Джебе велел ей сходить

* Первое время после замужества молодая женщина не смеет ходить по центральной части краалья, т. е. вокруг загона для скота.

на реку, неподалеку от крааля, и принести ему холодной воды.

Танга забеспокоилась и стала искать свою свекровь, но потом вспомнила, что та ушла в ближнюю долину помочь соседям покрывать тростником хижины.

— Пусть мой отец простит меня, — робко попросила она, — я схожу за водой, как только зайдет солнце. Или пусть сходит нянька.

— Не говори глупостей! — закричал Джебе. — Или ты хочешь попробовать палки? Ступай сейчас же, я хочу холодной воды!

Горько заплакала Танга. Она отдала ребенка няньке, взяла кувшин для воды и тыквенный черпак и вышла из хижины. Яркий солнечный свет ослепил ее, и, заливаясь слезами, молодая женщина спустилась по тропинке к реке.

Танга стала на колени на берегу реки и опустила в воду черпак. И вдруг черпак выскользнул у нее из рук. Она попыталась зачерпнуть воду кувшином, но и кувшин унесло течением. Тогда она хотела набрать воды в полу своего каросса, но тут Танга почувствовала, что непонятная сила толкает ее в воду, и вот поток затянул ее в свои холодные объятия.

Долго дожидался Джебе возвращения невестки и в конце концов послал за ней девочку-няньку. Девочка вернулась испуганная:

— Ее нигде нет! — сказала она. — Я исходила весь берег и не нашла ее, нашла только... ее следы.

Старик пришел в ужас и горько раскаивался в своем жестоком поступке. Он измучился, стараясь вместе с маленькой нянькой утихомирить ребенка, который плакал не переставая.

Наконец вернулась домой бабка и, узнав о том, что случилось, рассердилась на старика. Она стала вливать в ротик голодного ребенка жидкую кукурузную кашу и на время успокоила его.

Скоро Джебе придумал, как поправить беду. Он велел

пригнать к реке быка Танги. На берегу быка убили и бросили в воду.

— О река, прими этот дар и отдай мне мое дитя! — молил несчастный старик.

Но лишь круги от брошенной в воду туши расходились по глади реки. Мелкие волны плеснулись о берег, и скоро все стало тихо. Джебе и юноши, которые пришли с ним, не отрываясь смотрели на спокойную гладь воды. И вдруг послышался голос:

— Иди к моим родителям и скажи им, что меня взяла река.

Только один раз прозвучали эти слова, и снова все стихло.

Печально побрел Джебе назад, к своему краалю. Разве может он пойти к родителям Тангалимбо? Как же он признается им в своей вине?

— Ничего не вышло, — сказал он своей жене, и снова пришлось ему слушать брань старухи и крик ребенка.

Он печально сидел у очага, а старуха, став на колени по другую сторону, раздувала огонь, чтобы приготовить ужин. Но язык у нее работал еще быстрее, чем руки. С самого захода солнца она не переставая поносила мужа. В довершение всего привязанный на спине у няньки маленький внук плакал, не умолкая ни на минуту.

— Я погубил его мать, а теперь и внук мой погибнет! — в отчаянии думал старик.

— Все кончено, — в сотый раз повторяла его жена. — Мы хоть и бедные, но посчастливилось нам найти прекрасную жену нашему сыну, она родила нам хорошего мальчика, а ты... ты, дурак из дураков, потомок безмозглых глупцов... ты выбросил ее, как грязную тряпку! Что скажет тебе наш сын, когда вернется с охоты и принесет жирную антилопу для своей семьи? Он, пожалуй, тебя убьет! И янисколько не пожалею, если это случится...

Она ругала и ругала его, а Джебе сидел опустив голову, и по его темным щекам катились слезы.

Наконец в хижине стало тихо. Старики заснули, а Ноно, маленькая нянька, дремала, прижав к себе ребенка. Ах, если бы только он дал ей уснуть! Как бы не так! Ребенок снова завозился, засучил ножками — того и гляди, снова заплачет... Ноно вскочила и взяла его на руки.

— Если он разбудит их, они снова начнут ссориться! — пробормотала Ноно, привязала ребенка на спину и незлышно выскользнула из хижины. Она спустилась к реке и стала ходить по берегу, тихо напевая:

Он плачет, плачет в час ночной.
Его мать выходила вместе с луной.
Он плачет, плачет в час ночной.

И вдруг видит Ноно, кто-то выходит из воды. И вот перед ней стоит Танга и протягивает к ней руки. Девочке стало страшно, она отступила от воды, но Танга пошла за ней.

— Дай мне мое дитя. Я отдам его тебе обратно.

Пока мать кормила бедного ребенка, маленькая нянька спала на берегу.

К рассвету Ноно прокралась с мальчиком в хижину, уложила мирно спящего ребенка на циновку и легла рядом.

Танга в
она нако
Три
бенка, и
Нако
Мпунзи.
пы и хот
Горес
отец посл
гневался

— А
— Не
вечала ма
В хиж
спине.
— Ка
дой отец,
— Да
это.
Мпунз
глаза в ст
— Чем
— Баб

а Но-
а. Ах,
бенок
снова
ся! —
и не-
реке

Танга велела ей не выдавать тайны и говорить всем, что она накормила ребенка ягодами.

Три ночи Танга выходила из реки и кормила своего ребенка, и одна только маленькая нянька знала об этом.

Наконец вернулся из далекого похода муж Танги, Мпунзи. Он принес с охоты жирную заднюю ногу антилопы и хотел поскорее показать ее матери и жене.

Горестно поведала ему мать о том, как среди бела дня отец послал Тангу за водой и она исчезла. Мпунзи так разгневался, что старик не смел подступить к нему.

— А сына она взяла с собой? — спросил Мпунзи.

— Нет, ребенок здесь, с ним ничего не случилось, — отвечала мать.

В хижину позвали Ноно, и она вошла с ребенком на спине.

— Какой он толстенький, — удивленно сказал молодой отец, поднимая малыша на руки.

— Да, — сказала бабка. — Я сама не пойму, с чего бы это.

Мпунзи посмотрел на няньку и заметил, что она отвела глаза в сторону и переминается с ноги на ногу.

— Чем ты кормишь ребенка? — спросил он ее.

— Бабушка дает ему кашу, а я... я даю ему ягоды.

— Ягоды! — воскликнул Мпунзи. Ну-ка принеси сюда ягод и покорми его при мне.

Но когда Ноно принесла ягоды, малютка отворачивался от них с громким плачем и не хотел их есть. Мпунзи схватил девочку за руку.

— Говори правду! — закричал он. — Где прячется его мать?

Ноно расплакалась и рассказала им о том, что происходит каждую ночь на берегу реки.

Мпунзи пошел к своим друзьям и попросил их помочь ему. С наступлением темноты они крепко обвязали его длинным ремнем, и Мпунзи спрятался в прибрежном тростнике. Друзья его, укрывшись за скалой, держали свободный конец ремня. К реке подошла маленькая нянька с ребенком на руках и запела свою песню. Вода расступилась, и Танга вышла на берег.

— Здесь никого нет? — тревожно спросила она.

Но девочка промолчала и поспешно положила ей на руки сына. Не медля ни минуты, Мпунзи выскочил из своего убежища и схватил жену и сына в свои объятия. Танга хотела вырваться, но друзья Мпунзи, услышав его крик, потянули за крепкий ремень, и Танга почувствовала как ее вместе с мужем увлекают прочь от реки.

Но что это? Друзья Мпунзи с ужасом увидели, что река двинулась вслед за Тангой, залила берег и грозит затопить всю округу. В лунном свете вода казалась красной, как кровь.

С громкими воплями друзья Мпунзи бросили ремень и убежали. Мпунзи остался на берегу с ребенком на руках. Он увидел, как уходит вода и уносит с собой его молодую жену.

Убитый горем, он вернулся в крааль, и только теперь Джебе поборол свой страх и рассказал про голос, который дважды произнес такие слова: «Иди к моим родителям и скажи им, что меня взяла река».

Молодой муж кликнул своего скакового быка * и спросил его:

— Не отнесешь ли ты, мой бык, эту весть отцу и матери Тангалимлибо?

Но бык только мычал и не двигался с места. Мпунзи обратился к своей собаке, но та лишь залаяла в ответ. Тогда он позвал петуха и рассказал ему, в чем дело. Петух ответил:

* У банту часто устраивались скачки быков.

Хоть прост петух,
А стоит двух!
Кукареку!

С ковшом в руке дочь шла к реке
И вдруг пропала — как не бывало!
Быка не проси — он лежит в грязи.
Пес не поможет — он кости гложет.
Я помогу —
вмиг добегу!

Мпунзи очень обрадовался ответу умного петуха, пообещал, что никогда не свернет ему голову, и велел ему немедленно отправляться в путь.

Много приключений встретил петух в дороге, но его песенка каждый раз выручала его, и наконец он добрался до дома родителей Танги.

По счастью, мать Танги знала толк в волшебных травах. Она тут же принялась готовить всякие колдовские зелья, которые должны были одолеть реку. Отец Танги выбрал жирного быка, петух горделиво уселся быку на спину, и они все, не теряя времени, двинулись в путь к краалю Джебе.

И снова вечером на берегу реки была принесена жертва. Но на этот раз на помощь пришла сведущая в колдовстве женщина со своими хитрыми зельями. Одни зелья она жгла, другие разбрасывала по камням. Долго ждали они, а Ноно все ходила взад и вперед по берегу и пела свою песню.

И только когда из-за холма позади них поднялся месяц, темные воды реки расступились и Танга вышла на берег. Отец и мать взяли ее за руки и повели к мужу, который с нетерпением ждал ее.

На воде поднялась была и снова пропала большая волна, и река, серебрясь в лунном свете, бесшумно потекла вдаль.

Джебе давно уже понял свою вину, и Мпунзи и родителям Танги не надо было ни о чем его предупреждать. Он

Примир
невестк
больше
чинить
—
тем, ко
Дне
прежне
ного св

примирился со своей странной судьбой, подарившей ему невестку, которая не переносила дневного света, и никогда больше не пытался заставить ее делать то, что могло причинить ей страдания.

— Каждый заяц знает свою тропинку, — отвечал он тем, кого удивляли привычки Танги.

Днем Танга никогда не выходила из хижины, и ее по-прежнему называли — «женщина, которая боится солнечного света».

Голодная пора

К ло
послед
Скот п
теперь
нем ве
Кен
ную пи
держал
Сам
от голо
—
ем — о
—
пыльни
Дем
щина
—
ветру,
ным. В
что у
помож
Кен
как сы
он взял
возеле,
Кенкеб
день т
стал за
и что р
—
гендарн
на, —
И в
тесть. К
рады.

Костлявая рука голода душила округу. Дождя не было вот уже много месяцев, поля засохли, и люди доели последние зерна кукурузы и проса.

Скот подобрал последние стебли кукурузы на полях, и теперь животные стояли, понурив головы, на теплом весеннем ветру и тощали день ото дня.

Кенкебе не переставая ворчал на свою жену за ту скудную пищу, которую она готовила, и наконец Демаза не выдержала.

Сама она и ее маленький сын Магода совсем ослабели от голода, и Демаза очень рассердилась на Кенкебе.

— Если уж ты не можешь ничего добыть своим копьем — огрызнулась она, — пойди хоть зерна поищи.

— Куда я пойду в такое время? Земля рождает только пыльные вихри, где же найти зерна?

Демаза долго думала, что делать. Она была умная женщина и выучилась колдовству у своей бабки.

— Стоит ли бросать свой дом и разводить костер на ветру, — сказала она мужу. — Иди лучше к нашим родным. В долине моего отца редко бывает неурожай, не то, что у нас наверху. Расскажи ему о нашей беде, и он нам поможет.

Кенкебе охотно согласился и уже представлял себе, как сытно и вкусно накормят его в теплой долине, откуда он взял жену. Он кликнул двух псов, Тумтумзе и Мбамбозеле, отощавших, как и она сам, и отправился в путь. Кенкебе вышел поздно... Он так ослаб, что почти целый день тащился до краая своего тестя. Наконец Кенкебе стал замечать, что на склонах гор появилась молодая трава и что речки здесь не высохли.

— Далек Бабука, — думал Кенкебе, вспоминая о легендарной стране, до которой еще никто никогда не доходил, — но, кажется мне, скоро я буду сыт!

И в самом деле, увидев, как радушно встречает его тесть, Кенкебе уверился, что еды здесь вдоволь и гостям рады.

— Ну, сынок, какие у вас новости? — спросил старик, распорядившись заколоть одного из самых жирных быков.

— Какие у нас новости, отец! Все мы помираем с голоду.

— Поистине, вы живете в плохих местах! Вам бы надо перебраться сюда вниз.

— Да... — сказал Кенкебе, не сводя глаз с того места, где мужчины и мальчики суетились вокруг быка. — Я вижу, что у вас немало старых запасов, отец.

— Да, кое-что у нас есть, — с довольным видом ответил старик, — и мы охотно поделимся с дочерью.

Бык был такой большой, что одного только мяса хватило на шесть дней. Потом съели разваренные копыта, высосали из костей мозг, и уже не осталось даже мелких костей для Тумтумзе и Мбамбозозеле. Старик опечалился, когда увидел, что Кенкебе совсем не торопится к своей голодной семье. Он пообещал дать Кенкебе семь мешков зерна и послать с ним девушек, чтобы донести мешки. Но Кенкебе все медлил, а гостя торопить не положено. Старик начал беспокоиться.

— Неужели моя дочь вышла замуж за бездельника, от которого толку не больше, чем от антилопы в джунглях, —

с тревогой думал он. — Этак они никогда не вылезут из беды!

Наконец Кенкебе стал подумывать о доме и очень удивился тому, как быстро его собрали в дорогу. Зерно ссыпали в мешки из козьих шкур, сестры его жены подняли их себе на головы и ранним утром вместе с Кенкебе и его собаками отправились в путь.

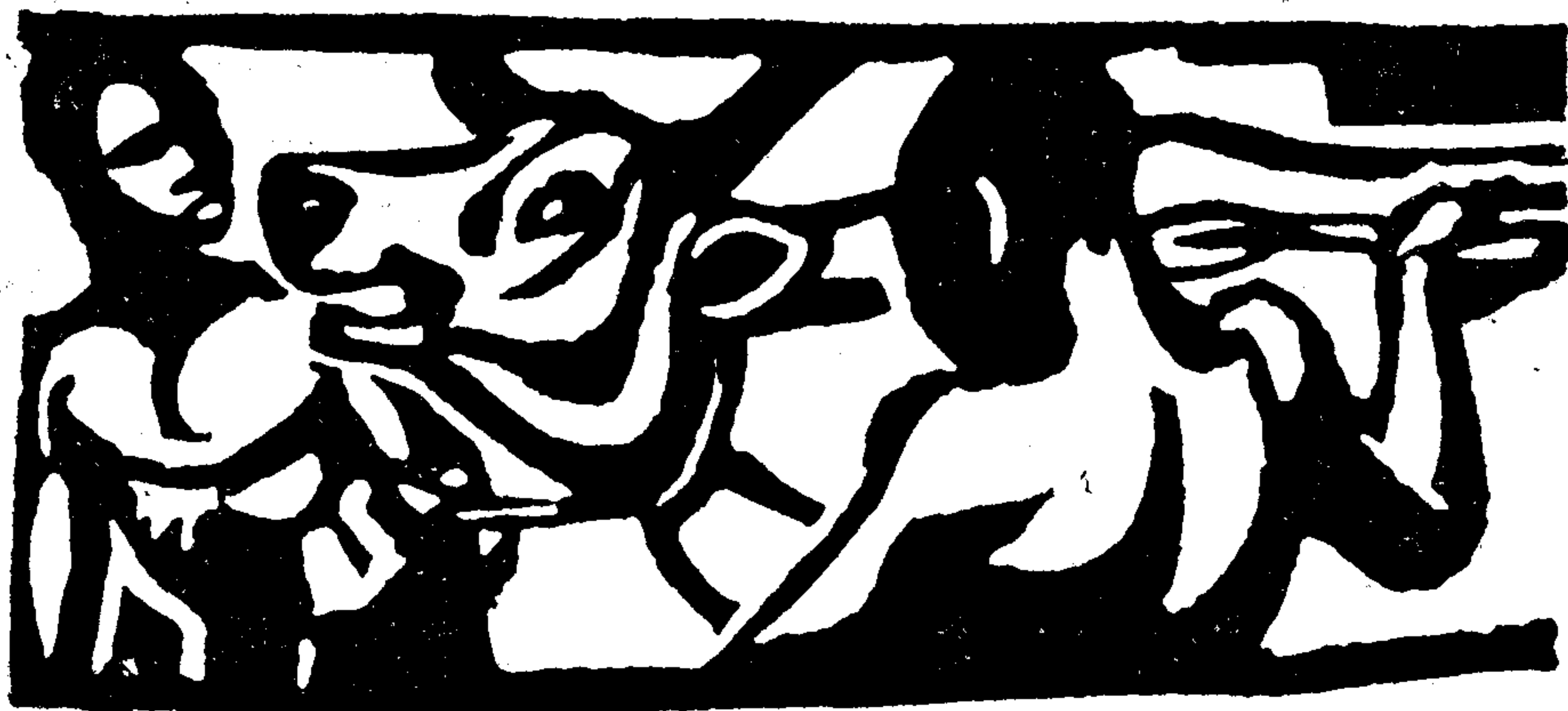
Каким сильным чувствовал себя теперь Кенкебе, и как он был слаб, когда спускался вниз! Он весело распевал и заигрывал с девушками, но они не отвечали на его шутки.

Они уже поднялись высоко в горы, и тогда в голове Кенкебе зародились недобрые мысли. Он решил оставить все зерно себе и не давать ничего жене и сыну. Не доходя до дома, в диких скалах, он велел девушкам сбросить мешки на землю.

— Теперь уже недалеко до моего крааля, — сказал он, — отсюда я сам перенесу зерно. А вы возвращайтесь домой, не то вас застигнет ночь.

Девушки были рады избавиться от него и торопились вернуться домой засветло. Они сбросили мешки на землю и побежали обратно.

Кенкебе втащил мешки в пещеру у подножья небольшой скалы. Потом стал искать, чем ему размолоть зерно. Он разыскал большой и плоский камень и другой, маленький

и круглый, стал на колени и, забыв свое мужское достоинство, словно женщина, принялся молоть просо. Смочив муку водой из своей тыквенной бутылки, он замесил тесто и скатал его наподобие корней нонгве — эти корни ели люди в голодное время.

Кенкебе осторожно сложил палочки из теста в свою кожаную сумку и заложил хворостом вход в пещеру. Потом

он отыскал несколько настоящих корней нонгве и тоже сунул их в сумку.

Когда Кенкебе подошел к своей хижине, уже совсем стемнело. Дверь в хижину была закрыта, но Демаза услышала знакомый лай собак и впустила мужа. Он прошел в хижину и уселся возле очага, а жена стала раздувать огонь. Она взглянула на мужа и заметила, что щеки у Кенкебе округлились.

— Ты принес еду? — спросила она.

Кенкебе покачал головой.

— У них там тоже засуха и голод, — солгал он. — Я обошел много долин и все без толку, так что мне пришлось вернуться ни с чем. Только вот несколько корешков нонгве выкопал по дороге.

— Ну, что ж, поужинаешь ими. В доме ничего больше нет, — сказала Демаза.

Кенкебе отдал жене коренья, а себе испек на мужской стороне очага * свои «корешки» из просяной муки.

Маленький Магода проснулся и заплакал от голода. Мать велела ему встать с циновки и подойти к огню.

— Почему у папы корешки пахнут так вкусно, а у нас — нет? — спросил Магода, присаживаясь возле матери с женской стороны очага.

— Потому, что их печет мужчина, — ответила мать.

Ночью Демаза проснулась, чтобы раздуть огонь. В золе она заметила кусочек нонгве, который не доел ее муж. Демаза жадно сунула его в рот. Кусочек так и растаял у нее на языке, и она сразу догадалась, что сделал Кенкебе.

Рано утром Магода проснулся и увидел, что его отец взял маленький горшок и осторожно выбрался из хижины.

— Мама, мама! — закричал мальчик. — Отец взял твой горшок!

Демаза вскочила. Низенькая дверь хижины была открыта, а горшок исчез с очага. Вместе с мальчиком Демаза выбежала из хижины, и они увидели, что Кенкебе торопливо идет к скалам.

* В хижине банту строго различаются мужская сторона очага, правая от входа, и женская, левая.

Демаза и Магода пошли следом за ним. Он даже ни разу не оглянулся, думая, что они крепко спят. Они увидели, как он подошел к пещере и скрылся в ней. Спрятавшись за скалой, мать и сын смотрели, как Кенкебе вытащил из пещеры свой жернов и принялся за работу.

Магода расхохотался, увидев отца за женской работой, и Демаза испугалась, как бы Кенкебе не заметил их; она зажала мальчику рот и оттащила его подальше от пещеры. Мать и сын обошли скалу, в которой была пещера, и забрались на ее вершину. Сверху они увидели, что возле Кенкебе стоит большой мешок проса. Мальчик глаза вытаращил от удивления.

А Демаза стала быстро колдовать. Потом вместе с сыном столкнула вниз большой обломок скалы, который висел над самой пещерой. Кенкебе услышал шум и взглянул вверх. Прямо на него с грохотом катился огромный камень. Кенкебе вскочил на ноги и бросился бежать. Но камень покатился за ним вдогонку. Кенкебе неся по равнине, а камень не отставал от него ни на шаг. Кенкебе вскарабкался на холм — камень вкатился следом и спустился за ним в долину. Кенкебе бросился в пересохшее русло реки, по которому струился теперь только маленький ручеек, — камень зашлепал за ним по пятам. По камням, по траве, по

огорода
те люд
ловека.
Тем
обрадо
один м
велела
Как
Первый
Вече
они вдр
желым
нулся К
Демаза
один де
был кро
ая ее о
дала.
— А
— Т
сейчас
кебе.
— Я
за, — ту

огородам, между хижинами неся Кенкебе, и по всей округе люди с изумлением смотрели, как камень преследует человека.

Тем временем Демаза и Магода вошли в пещеру и очень обрадовались, увидев там мешки с просом! Мать подняла один мешок себе на голову и отправилась в крааль, а сыну велела завалить вход в пещеру хворостом.

Как вкусно они поели и как сладко уснули после обеда! Первый раз за много месяцев они были сыты.

Вечером, когда Демаза снова принялась за стряпню, они вдруг услышали оглушительный грохот и что-то с тяжелым стуком остановилось возле хижины. В дверь протиснулся Кенкебе и, тяжело дыша, бросился наземь у очага. Демаза посмотрела на него и увидела, как он изменился за один день: Кенкебе похудел, он чуть дышал от усталости и был кроток, как малое дитя. Не таким он вернулся из крааля ее отца! Ей стало жалко Кенкебе, но она и виду не подала.

— А где мой камень? — угрожающе спросила она.

— Там, за дверью. Он гонял меня по всей округе, а сейчас лежит у самой хижины, — смиренно ответил Кенкебе.

— Я тебе ничего не дам, — сердито проворчала Демаза, — тут осталась только наша доля.

Кенкебе молча развернул циновку, укрылся кароссом и заснул. Но скоро Демаза сжалилась над ним, и поужинали они все вместе.

Чтобы готовить пищу, нужны дрова, а приносить их было нелегко, потому что Демаза и Кенкебе еще были слабы от голода. Демаза поддерживала огонь в очаге, потому что ленивый и себялюбивый Кенкебе не умел добывать огонь, как другие, хорошие мужья. И это-то и навлекло на них новую беду.

Кенкебе изредка ходил со своими собаками на охоту, и вот однажды ему удалось поймать антилопу с маленьким теленком. Очень довольный, он пригнал их домой и запер в загоне для скота. Ему очень хотелось мяса, но глупо же было лишаться молока.

Кенкебе решил посоветоваться со своими собаками.

— Если я убью теленка, согласится ли кто-нибудь из вас сосать у антилопы молоко, чтобы ей казалось, что это сосет ее теленок? Тогда она не перестанет давать молоко и мы будем его пить.

— Только не я! — сказал Тумтумзе. — Я ведь тогда не смогу и рта открыть, чтобы залаять!

— А ты, Мбамбозозеле?

— А мне очень хочется попробовать молока. Я согласен.

Кенкебе убил теленка и натянул его шкуру на собаку. Антилопа ничего не заметила и каждый день исправно давала молоко. Семья Кенкебе съела теленка, и понемногу все стали набираться сил.

Однажды Мбамбозозеле, разлакомившись, сосал чересчур долго. Кенкебе ждал, ждал, чтобы подоить антилопу*, потом взял палку и ударил собаку. Собака залаяла, антилопа обернулась и увидела, что ее обманули. Опустив рога, она бросилась на Кенкебе и стала гоняться за ним по краалю. Демаза услышала шум и выбежала из хижины.

— Лезь на камень! — закричала она.

* У банту ухаживают за скотом и доят коров мужчины.

Кенкебе прыгнул на волшебный камень, который так и лежал возле хижины. Антилопа бросилась на камень, ударила об него головой и упала замертво.

— Вот теперь мы попируем! — обрадовался Кенкебе, забыв про молоко. Демаза и Магода принесли ножи, и все втроем принялись за работу, а собакам швыряли потроха. И вот антилопа разрезана на куски. Но что это?

Пока Демаза приготавливала мясо, она совсем забыла про огонь, и он погас. Все трое что было сил дули на угли, но все было напрасно.

— Мы не собаки и не людоеды, чтобы есть сырое мясо, — с достоинством сказала Демаза. — Иди, Магода, попроси огня в каком-нибудь краале, за холмом. И смотри, все время дуй на него, чтобы он не погас по дороге. Возьми с собой кусок мяса — отдашь его за огонь.

Собаки глодали кости антилопы и не хотели уходить, и Магоде пришлось идти одному. Ему было очень страшно — он знал, что от голода люди стали злые. Мясо Магода спрятал под одеждой. Боязливо подошел он к первому краалю и попросил головешку.

— Нет у нас огня! — ответили ему. — Разожги его сам или ступай к соседям.

Он пошел дальше, но его отовсюду гнали — вот как ожесточились людские сердца в то тяжелое время.

Наконец Магода добрался до маленькой, развалившейся хижины, где жила одинокая старуха. Он очень устал, и по лицу его текли слезы.

— Прощу тебя! — взмолился он. — Дай мне хотя бы маленькую головешку из твоего очага. Мама послала меня за огнем.

Скорчившаяся над огнем старуха сердито затрясла головой, и Магода решился наконец вытащить мясо. У старухи загорелись глаза. Она вынула из огня ярко пылающую головешку и сунула ему в руки.

— Мясо, давай мясо! — закричала она.

Магода бросил старухе мясо, выскочил из хижины и помчался домой, все время старательно раздувая огонь.

Но мужчины из других хижин следили за ним; они подкрались к хижине старухи и почуяли запах жареного мяса.

— Мясо! Мясо! — завопили они, ворвались в хижину и отняли мясо у старухи.

— Это мальчишка принес мясо! Верно, у него дома еще есть! За ним! В погоню!

С дикими воплями они кинулись за мальчиком. Оглянувшись, Магода увидел их и побежал изо всех сил.

— Прячьтесь! Прячьтесь! — закричал он, подбегая к своему краалю.

Демаза сразу поняла, что случилось, и вместе с Магодой бросилась в лес. Но Кенкебе не хотел оставлять все мясо, он схватил заднюю ногу антилопы и спрятался в скалах.

Выглядывая из-за уступа, он видел, как озверевшие люди набросились на сырое мясо антилопы. Затем, к его ужасу, они начали шарить по краалю, разыскивая съестное.

Кенкебе мог бы еще спастись, если бы не мясо. Они почуяли запах мяса, когда пробежали мимо его убежища. Го-

лодные соплеменники вытащили Кенкебе, убили его тут же на месте и съели ногу антилопы, которую он прятал. Потом они поспешно зарыли труп Кенкебе в землю.

— Тут и жена где-нибудь прячется! — крикнул один из них. Вскоре они отыскали в зарослях Демазу и увели ее с собой. Маленький Магода остался один. Убежавшие бы-

ло собаки вернулись домой, и, прижавшись друг к другу, мальчик и собаки заснули в хижине у холодного очага, из-за которого на семью обрушилось столько бед.

А Демаза уже надумала, как ей спастись. Она притворилась, что ей вовсе не жалко ни дома, ни мужа.

— Не хотите ли вы пива? — спросила она своих врагов.

— Пива! А как же его сварить без зерна?

— А я знаю, где спрятано просо!

И Демаза рассказала о пещере, где осталось еще два мешка проса. Все обрадовались и немедленно послали Демазу за зерном, отрядив ей в помощь своих жен и двух мужчин для охраны. Когда одна из женщин заикнулась было о том, что зерно надо оставить для еды, ее просто отколотили.

Три дня Демаза помогала женщинам варить крепкое пиво. Потом она собрала всех мужчин и так их напоила, что сначала они шумели, потом начали клевать носом и наконец крепко заснули.

— Ну, теперь пора! — решила Демаза и незаметно выскользнула из хижины в темноту весенней ночи. Жутко ей было одной под звездным небом, но она отыскала тропинку и побежала к своему краалю.

Наконец она увидела камень, который охранял ее хижину. Дверь была закрыта.

— Магода! Магода! Здесь ли ты? — позвала она.

— Гав! Гав! — залаял Тумтумзе, а вслед за ним и ленивый Мбамбозеле.

Сердце Демазы затрепетало от радости, и она закричала еще громче:

— Проснись, проснись, Магода! Твоя мама пришла за тобой!

Она услышала голос мальчика, дверь распахнулась, и собаки вне себя от радости чуть не сбили Демазу с ног. Из хижины выглянул Магода и бросился в объятия матери.

— Идем, сынок, нам нельзя медлить ни минуты. Я не возьму с собой ничего, даже горшка для варки пищи, может быть, еще придется нести тебя, если ты устанешь. Нам надо бежать сейчас же, не дожидаясь утра. Мы пойдем в дом моего отца.

Перед уходом она сказала волшебному камню:

— Стань здесь и охраняй дорогу, а если враги будут преследовать нас, гони их назад.

И Магода увидел, как громадный камень с грохотом выкатился на тропинку, по которой пришла Демаза. Магода захватил с собой обе свои боевые палки и последовал за матерью, а собаки весело прыгали вокруг них.

Всю ночь они были в пути, и утром благополучно пришли в теплую и плодородную долину, где жил отец Демазы.

— Я рад твоему приходу! — сказал старик. — И хорошо, что ты избавилась от этого Кенкебе. У нас вы будете счастливы, и ты и твой сын.

Все это случилось много, много лет назад, но и до сих пор в племени амакоза себялюбивого человека называют Кенкебе и позорят этой кличкой того, кто не делится едой с другими.

де
а,
а.
и-
ей
ку
и-
ле-
ча-
за
ь, и
ног.
ма-
И не
мо-
Нам
ем в
будут
хотом
Маго-
вал за
лучно
а отец

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Дитя волн	16
Семь птиц и семеро юношей	30
Приключения Ониховы	44
Девушки-птицы	54
Девушка, искавшая опасность	66
Женщина, которая боялась солнечного света	78
Голодная пора	90

